1972. Возвращение

Автор:
Евгений Щепетнов

1972. Возвращение

Евгений Владимирович Щепетнов

Михаил Карпов #7

Возвращение на родину после длительного пребывания в США может навлечь на Михаила Карпова много непредсказуемых последствий. Но оставаться в Штатах он тоже не хочет – Америка уже не так благоволит ему, как раньше. А потому выбора нет. Нужно отправляться в родные края. Догадывался ли Карпов, что его судьба решается прямо в это же время? Шелепин, получивший почти неограниченную власть в Союзе, наконец принял мысль, что Карпов – человек из будущего. И осознал всю его ценность для страны. Нужно создать для него отличные условия, дать все, что он пожелает, и использовать в своих целях. Ведь в Америке у Карпова огромное состояние, а здесь – почти ничего. Так что придется всеми доступными средствами «прививать» любовь к родине. Вопрос лишь в том, как скоро ценность знаний Михаила Карпова приблизится к нулю. Сейчас из него попытаются выжать максимум информации и даже использовать для пропаганды. А когда он перестанет быть полезным, можно смело пустить его в расход… Книга содержит нецензурную брань

Евгений Щепетнов

1972

Возвращение

Евгений Щепетнов

* * *

Пролог

Шелепин посмотрел на бумагу, снова на собеседника, и брови его поползли вверх:

– Ты это серьезно? Это что вообще такое?!

– Ну ты же прочитал – Семичастный развел руками – Это вывод аналитического отдела. Я скормил им все, что у нас было по Шаману. Вот и результат. Ты же сам просил это сделать. Кстати, я был против, чтобы этим делом занимались аналитики. Рано еще нам привлекать лишних людей к этому делу! Вдруг проговорятся, несмотря на все подписки? Но ты приказал, я выполнил, товарищ Генеральный Секретарь. Вот теперь и читай. Кстати, я что-то подобное и подозревал.

– Ты, подозревал?! Вот только не заливай, ладно? Он подозревал! – Шелепин даже фыркнул, глядя в хитрые глаза собеседника – Любишь ты строить из себя всезнайку! Перед кем выеживаешься? Уж я-то тебя знаю как облупленного! Ладно… слишком это все фантастично, не могу поверить. Ошибка исключена?

– Кто может дать стопроцентную гарантию? – Семичастный усмехнулся и помотал головой – Но для чего мы держим целый отдел аналитиков, если не желаем верить их выводам? Пока что они не ошибались.

– Нет, ну ты сам вдумайся – пришелец из будущего! Где машина времени? Как это могло быть?

– Знаешь… хмм… помнишь, про Шерлока Холмса? Тут ведь принцип какой: надо взять самую реальную версию, какой бы она фантастичной не казалась, и эта версия будет правильной.

– Вот только не надо мне сейчас про всякую там беллетристику! Ты еще Уэллса мне тут приплети! На мой взгляд, предсказатель гораздо реальнее, чем пришелец из будущего! Ну есть же эта… как ее… Ванга!

– С Вангой там все не просто. На мой взгляд – она ловкая аферистка, которая умеет манипулировать людьми. Болгарские товарищи используют ее для своих целей, они и помогают ей с прогнозами. Так что про Вангу ты зря вспомнил. И все остальные экстрасенсы – абсолютные аферисты. Мы проверяли, ты же знаешь. А вот человек из будущего, провалившийся в прошлое – это вполне научно, почему бы и нет? Такие случаи в истории имеются, только о них не принято говорить. В средние века таких людей просто сжигали на кострах как колдунов. Ну вот сам смотри, все получается совершенно по сценарию: некий человек проваливается в прошлое. Что он будет делать? Как ему выжить? Само собой, он инсценирует потерю памяти. А потом, чтобы легализоваться – пойдет в милицию, обратится к врачам. Получит документы и будет жить как обычный гражданин! Далее: с ним происходят странные, необъяснимые с точки зрения медицины процессы – он молодеет. В момент переноса в прошлое он выглядит на пятьдесят лет, а потом вдруг молодеет до двадцати пяти, тридцати лет. И это с научной точки зрения объяснимо, и кстати – именно это доказывает, что мы имеем дело с путешественником из будущего!

– Я смотрю, ты хорошо проработал эту тему – усмехнулся Шелепин – Так чем же помолодение Шамана доказывает тот факт, что он пришел из будущего?

– Как сказали наши большеголовые, мироздание стремится к равновесию. Есть такое понятие – гомеостаз. Это когда процессы саморегулируются, стремясь к равновесию. Этот человек не принадлежит к нашему времени, а значит, он попадает во что-то подобное капсуле времени, в которой его организм приходит в точку равновесия. А какая у нас точка равновесия? Это максимально эффективное состояние организма, то есть – молодость и здоровье. Вот его организм и начал омолаживаться. Сейчас, судя по собранной нами информации, он выглядит лет на тридцать. Высокий, атлетически сложенный, физически очень развитый.

– Да уж если он сумел дважды победить Мохаммеда Али – наверное, очень развитый! – усмехнулся Шелепин – Чего ты меня кормишь вчерашней едой? Ты мне сообщи что-нибудь такое, чего я не знаю!

– По-моему ты и так все знаешь. Я регулярно подаю тебе доклады по этому самому Шаману – пожал плечами Семичастный – Ну что еще добавить… в общем, скорее всего он бывший военный, обладающий специальными боевыми навыками. Но при этом он еще был и писателем, и когда пишет – на самом деле не пишет, а вспоминает написанные им ранее книги. На это указывает невероятная скорость написания романов.

– Я слышал, что у него абсолютная память? Она сразу такая была, или появилась?

– Тут вопрос сложный. Возможно, что все-таки проявилась после переноса. Хотя вполне вероятно, что этому содействовали опыты его бывшей подруги, врача-психиатра. В отчете это есть. В общем, я как и мои аналитики придерживаюсь того мнения, что Михаил Карпов никакой не провидец, а человек, каким-то образом провалившийся из будущего. Его абсолютная память помогает ему делать прогнозы, но провидцем он никак не является! Иначе он смог бы провидеть и нападение возле города Монклер, когда Карпов едва не погиб, и ситуацию с Никсоном, когда ему пришлось спасаться бегством. Не провидец, нет.

– Не провидец – вздохнул Шелепин – Кстати, как там у них дела?

– Подлетают к Москве. Примем их на военном аэродроме и тут же доставим к тебе. А что делать потом?

– А что мы должны делать потом? – хмыкнул Шелепин – Использовать будем! Получать информацию! Пусть работает на родное государство!

– А с чего ты решил, что оно ему родное? – Семичастный усмехнулся – Во-первых, он не из этого времени. А значит, государство ему не родное. Может, даже он не из этого мира.

– То есть? Как это не из этого мира? – брови Шелепина снова полезли вверх – В отчете этого нет!

– Эту версию высказал один из аналитиков. Дело в том, что путешествия во времени на самом деле невозможны.

– Это еще как?! А что написано тут, в отчете? Ты чего мне голову морочишь? – опешил Шелепин – То путешественник во времени, то нет?!

– Есть давняя теория о том, что существует бесконечное множество параллельных миров – мультивселенная. Физики давно ломают копья на этот счет – никто не может доказать, и никто не может опровергнуть существование параллельных миров. По крайней мере – до сих пор не могли этого сделать. И вот появился Карпов! Так вот: по этой теории в параллельных мирах время может течь с разной скоростью. Одни миры далеко ушли вперед, другие – тянутся позади остальных. То есть – согласно теории Большого взрыва вселенная появилась из одного протоядра, которое взорвалось, родив бесконечное множество вселенных. Я оставлю эту теорию в стороне, для меня это так же мутно, как и создание мира Господом Богом. Мы рассматриваем теорию Большого взрыва. И теорию параллельных миров. И вот представь, что после взрыва вселенные разлетаются с разной скоростью, часть улетела вперед, часть отстает! Только не проси меня пояснить – я сам это едва взял в разум, но по-моему эту теорию не понимают и сами ученые. Главное в этом тот факт, что никакого перехода во времени не было, а был переход из одного параллельного мира в другой, и тот мир, из которого перешел объект находится во времени впереди нашего. И значит человек, перешедший сюда, знает события на десятки лет вперед. Все! Вот теперь – все!

– Лучше бы он был провидцем – вздохнул Шелепин – Может они все ошибаются? Может все-таки провидец? В противном случае его ценность резко снижается.

– Почему? – искренне удивился Семичастный – А информация о будущем?

– Ты разве не понял? Ты столько рассказывал о параллельных мирах, а главное-то и не понял! Как только Карпов вмешивается в события, рассказывая нам о будущих событиях, так сразу же вероятность исполнения его последующих прогнозов резко снижается. И в конце концов ценность его прогнозов будет равна нолю!

– Так ценность прогнозов Карпова все равно будет равна нолю – когда он доживет до года, из которого сюда попал. Но до этих пор мы можем использовать его информацию. Уж на то пошло – он уже столько дал информации, что ее хватит на десятилетия вперед! Практически он нам как предсказатель уже не нужен – он дал нам все, что нужно для государства, для сохранения его целостности. Ведь теперь мы знаем куда идти! И как сделать,

чтобы не сорваться в пропасть!

– А ты веришь, что описанное в его записках на самом деле могло сбыться? У тебя не было мысли, что все ЭТО мы сделали зря?

– Я верю ему. Повторюсь – Карпов уже дал СТОЛЬКО всего, что это доказывает: он тот человек, прогнозы которого сбываются на сто процентов.

Шелепин прикрыл глаза, будто уснул в своем кресле генсека. Семичастный ждал, не беспокоил. Генсек должен как следует все обдумать. От его решений зависят жизни сотен миллионов людей этой громадной страны, и генсек просто обязан принять верное решение. Иначе… иначе будет то, что описал Шаман в своих письмах. Страна распадется на жалкие, убогие обломки. А этого допустить нельзя – даже если придется принять радикальные меры. Например – физически уничтожить тех, кто в будущем явятся виновниками развала СССР. Сейчас часть этих людей тихо и мирно отодвигают от власти, задвигая на самые что ни на есть ничтожные должности в народном хозяйстве. Процесс идет.

– Да, я тоже ему верю. И что будем с ним делать? Ну, ты понял – о чем я.

– Как ты верно сказал – ценность его со временем падает до уровня ноля. Потому смысла держать его на цепи у нас нет никакого. Будем консультироваться, будем выжимать из него информацию – по максимуму. А еще – используем для пропаганды. Он человек умный, поймет. Пусть свободно передвигается по стране – под нашим контролем, конечно. И под охраной. Хватит ему геройствовать! А в остальном – пусть живет как может. Он богат, пусть наслаждается жизнью.

– А выезд? Когда закончится вся эта катавасия с Никсоном, он точно запросится в США – у него там бизнес. И у него там деньги. Огромные деньги! Ты считаешь, его можно будет выпустить?

– А почему бы и нет? Пусть едет. Но не забывает, кто его настоящие друзья. Кто его поднял наверх!

– Хочешь стать ему добрым дядюшкой?

– Хочу, чтобы он СССР воспринимал как дом родной. Чтобы ради него старался не за страх, а за совесть. Впрочем – как и раньше старался. И он на самом деле заслужил свои ордена, ты же знаешь. Он спас столько людей, что… в общем – можно ему и еще орден вручить. Пусть работает! И Государственную премию. И квартиру выделить!

– Так у него их две!

– Тогда дачу, где-нибудь в Переделкино, где и положено жить писателям. Почему бы и нет? Привязать! Привязать его к нашей стране! Задарить подарками, окутать вниманием! Чтобы родина его была здесь, а не в Штатах! Чтобы он всегда стремился вернуться именно сюда, чтобы ЗДЕСЬ был его дом! С ним нельзя с позиции силы, его надо покупать! Не за деньги, нет – его надо купить… любовью! И тогда он расшибется в лепешку и сделает все, что нам нужно! Всего себя вывернет наизнанку ради своей Родины! Я знаю такой тип людей, да и ты их знаешь. По большому счету мы с тобой сами такие. Больше всего таких людей обижает неблагодарность государства, которому они служат. Ты же помнишь времена Сталина. Чем отличался Сталин? Он умел ценить людей. Если человек сделал для государства что-то важное, что-то дельное – он должен быть вознагражден. И это правильно. Кстати, ты подробности операции по эксфильтрации знаешь?

– Знаю. В багажнике машины вместе со своей секретаршей.

– А знаешь, что это он купил машину? Вернее – куплена она на посольство, но за деньги Карпова. И он хочет поставить ее на учет на себя и на ней ездить. Кадиллак. Не будет ли это слишком вызывающе? Даже у членов правительства нет таких машин!

– Сам же говоришь – надо вознаграждать. Но тут вообще случай особый – машина-то им и куплена. Так почему мы должны ее отбирать? Пусть ездит. И вообще – почему бы известному писателю с мировым именем не ездить на кадиллаке? У членов правительства таких машин нет? Так у них свои персональные машины. А что касается зависти коллег-писателей, так пускай лучше работают, тогда и купят такие машины. Мы, кстати, скоро разрешим ввоз иностранных машин. Почему бы и нет? Мы так насытим рынок машинами, что в каждом доме будет машина, и не одна! И это правильно! У населения куча денег на руках, а в экономике их нет! Товара нет! Надо насыщать рынок товаром, хватит сидеть только лишь на продаже нефти! Ладно, это все потом. Сейчас

речь о Карпове. Пусть ездит, пусть покупает… а насчет дачи я подумаю. И насчет квартиры – тоже. Дадим ему квартиру в высотке на набережной – как и положено маститому писателю пусть живет там. А кооперативную квартиру оставит детям. Или внукам. Итак, когда они прилетают?

– Примерно через час (посмотрел на часы).

– В пятнадцать ноль-ноль чтобы был у меня. Один. Секретарша его мне не интересна.

– А зря! – усмехнулся Семичастный – Очень даже интересная мадам! Будешь смеяться – но она почти копия Натальи Варлей, такая же красотка. Только чуть похудее, и ноги подлиннее. У нашего писателя губа не дура! Умеет находить себе красивых подруг.

– Умеет – усмехнулся Шелепин – Все, давай, работай! И мне докладывай. Не терпится посмотреть вживую на этого загадочного путешественника… так ли он умен, как ты говоришь? Наворотил он в Штатах выше крыши! Теперь разгребать, да разгребать!

– Ты знаешь… а может и неплохо наворотил. У них там теперь такая грызня началась, что как бы гражданской войной это не закончилось! Республиканцы и демократы перегрызлись до мордобоя, ФБР и ЦРУ вываливают компромат друг на друга – Конгресс кипит, вонь стоит – как от выгребной ямы в июльскую жару! Если бы мы хотели добиться такого результата – даже и не знаю, как бы смогли его достигнуть. Кстати, до сих пор не известно, что же такого сказал Карпов Никсону, что ФБР вдруг решило убрать их обоих! Вовремя он сбежал из Штатов, что кстати доказывает его разумность. Не стал изображать из себя героя, а нормально ударился в бега. Кстати, помнишь роман Джованьоли «Спартак»? Там описывалось, как Спартак на арене выиграл бой с превосходящими числом противниками. Так вот наш Карпов взял его метод на вооружение. Спартак не постыдился броситься в бега, чтобы потом расправиться с противниками по одному.

– Иди ты… знаток литературы! – усмехнулся Шелепин – будем привязывать нашего Карпова к родине. Кстати – нашего Карпова?

– Имеешь в виду, что он мог зажраться и превратиться в чуждого нашей родине человека? Уверен – нашего. Все, что он делал до сих пор, доказывает, что делал он это для того, чтобы помочь нашей стране. Конечно же и сам не оставался внакладе, но вообще-то аналитики говорят, что к деньгам Карпов равнодушен. Да, он любит хорошие машины, любит хорошие дома, но с деньгами расстается легко, можно сказать даже раздает – друзьям, например. Не замечено в нем патологической жадности, свойственной многим нуворишам. Он ничуть в этом плане не изменился с тех пор, как был нищим начинающим писателем, пригретым врачом-психиатром больницы для душевнобольных.

– Кстати, как она там? Как ребенок Карпова?

– Мы следим за ними. Ребенок здоров, а ей осталось совсем немного. Карпову пока не сообщали.

– Пока не надо сообщать. Я подумаю, как и когда лучше будет это сделать.

– Ну тогда все! До встречи, товарищ генеральный секретарь!

– До встречи… – и Шелепин углубился в чтение какой-то бумаги из папки. Все, аудиенция у Генерального Секретаря КПСС была закончена. Председатель Комитета Государственной Безопасности СССР повернулся и тихо ступая по толстому ковру, пошел на выход из кабинета.

Глава 1

15 часов полета. Много это, или мало? Смотря как лететь! Если летишь в комфортабельном боинге, да еще и на спальном месте – что тут такого? А если в гулкой, громыхающей, ревущей четырьмя турбинами жестянке без всяких таких… удобств, то 15 часов кажутся очень даже приличным временем перелета. Приличным – в смысле очень долгим.

Нет, я не скажу, чтобы нам было совсем уж так неудобно. Я вытащил с заднего сиденья кадиллака колеса, уложив их на скамьи вдоль борта «Антея», перегрузил барахло из салона в багажник, а частично на те же скамьи, и

откинув спинки сидений получил великолепнейшие лежанки, на которых можно было с комфортом пережить оставшиеся часы полета.

Вот с туалетом была загвоздка. Я-то человек привычный насчет потерпеть, опять же – мужчины терпят это дело гораздо дольше чем женщины. А вот Ольга… та уже через два часа захотела так сказать… излить посильно. И что делать? Пошел к летчикам, объяснил ситуацию. Те конечно же все поняли, посмеялись (не без этого!) и выдали нам с Ольгой один из химических туалетов-ящиков, которые штатно находились на борту этого самолета. Пришлось Ольге прятаться за мой кадиллак, укрываясь от нескромных взглядов воздушных асов, и делать там свои маленькие делишки. Впрочем, через несколько часов приспичило и меня – все-таки пятнадцать часов для туалета это очень даже много.

Ну а в промежутке между походами на горшок мы с Ольгой лежали на наших ложах в белоснежном кадиллаке и дрыхли, наслаждаясь безопасностью и покоем. Мы летим домой! И нам теперь совсем ничего не угрожает! Разве это не повод расслабиться и подремать? Делать-то все равно больше нечего.

Кстати, питаться мы в полете не стали, памятуя о том, что потом возможно придется отправиться на этот замечательный химический горшок. И такая перспектива нас почему-то не прельщала.

Я посчитал – когда именно мы должны будем оказаться в Москве, в какое время суток. Получалось – где-то около полудня. Вылетели мы из Вашингтона в полдень, что по Москве составляет двадцать часов, прибавить к двадцати часам пятнадцать – вот и выходит около полудня. Нормально, чего уж там.

В Москве сейчас холодно – конец марта, не так, как в Вашингтоне. Снег уже начал подтаивать, но до настоящей весны еще далеко. Хорошо что мы в общем-то одеты тепло – куртки-«аляски» для нашего климата самое то.

– Через двадцать минут садимся! – крикнул парень из сопровождающих (их было трое), когда я открыл дверцу машину после его стука – Садимся, слышали? Барахло загружайте назад, в машину!

– Оль, подымайся! – я потихоньку толкнул спящую подругу, и та мгновенно села, сразу же став деловитой и собранной, как и полагается правильной секретарше. А кто же она для меня? Секретарша и есть. Машинистка. Переводчица. Ну и…

боевая подруга, да. После того, что мы с ней пережили… в общем – она мне не просто секретарша, и не просто подруга. Именно что – боевая подруга. Не всякая секретарша со своим шефом ползает по земле, укрываясь за машинами от града пуль. И кстати, надо отдать ей должное – не впала в истерику, не повисла тупым мешком у меня на руках, а делала все, что я ей приказал!

Я всегда был против служебных романов, но что делать, если судьба бросила нас с ней в одну постель? Я давно без женщины, она уже годы без мужчины, что нам оставалось делать? Мы же просто люди…

Загрузили барахло. Колеса к моему кадиллаку – в багажник и одно колесо в салон (не уместилось), остальное барахло (джинсы-куртки, виски-сигареты и прочую дрянь) распределили и в багажник и опять же в салон. Нормально, авось не сопрут. А если и сопрут, так не велика потеря. Значит, им было нужнее, нашим советским людям.

Смеюсь, конечно. Не будет никто ничего воровать – скорее всего, нас сразу загонят на военную базу под Москвой, там все опечатают и… в общем – и подойти-то побоятся. За лишнее любопытство можно и погонами поплатиться, да и не только погонами. Для экипажа самолета и для всех остальных – мы два разведчика, эксфильтрующихся «с холода». Что такое «с холода»? Роман такой есть, Ле Карре, «Шпион, пришедший с холода». В 1963 году его издали.

Так все и получилось. Когда двигатели самолета после посадки остановились и пандус в хвостовой части аппарата начал медленно опускаться, в глаза ударил яркий-преяркий солнечный свет. Разгар дня! Мороз и солнце, день чудесный! Еще ты дремлешь, друг… хмм… нет, никто не дремлет. У меня в крови такая порция адреналина, что аж едва не подпрыгиваю на месте. Ольга тоже возбуждена, хотя и старается это обстоятельство скрыть. Но не получается. Глаза широко раскрыты, щеки красные, губы кусает и нервно оглядывается по сторонам, как затравленный зверек. И потому я ее обнимаю за плечи и тихонько шепчу:

– Не бойся! Все будет нормально, прорвемся! Вот мы и дома!

– Дома ли? – так же тихо шепчет Ольга, и внутри у меня что-то болезненно звенит, будто она своим наманикюренным пальчиком ткнула в самое что ни на есть болезненное место. Как нас встретит Родина? Своих блудных детей…

Прижмет к груди, или же посадит на цепь, как сбежавших собак? А если и то, и другое? И что тогда?

Хватит гадать. Поздно что-то менять. Теперь – будь что будет. Будем решать проблемы по мере их поступления.

– Товарищ Карпов!

Оглядываясь. Двое мужчины в драповых пальто и заячьих шапках. Забавно. Ну такие просто-таки… родные рожи! Гэбэшники, само собой понятно. Галстуки, белые рубашки, и… шарфы из ангорской шерсти. Мода, чего уж там! А шапки могли бы и покруче надеть, что, не могли ондатровые купить? Спецраспределители отменили, что ли? Или стараются быть скромными?

– Да, я!

– Прошу вас пройти с нами.

– Один? Я без своего секретаря не пойду.

– С секретарем. Машина вас ждет.

И правда – ждет. Черная «волга» с черными номерами. На стеклах – смешные занавесочки. Тонировать похоже что еще не научились. И стекла тонированные здесь еще не умеют делать. Или не хотят? Ведь чего скрывать от народа?

Садимся на заднее сиденье, встречавшие – один за руль, другой рядом. Тот, что за рулем выставляет на крышу синий маячок-мигалку, и машина резко, с прокруткой колес срывается с места. Выскочить за пределы аэропорта – минуты, и вот машина уже несется по шоссе, обгоняя попутные машины и оглашая окрестности звуком милицейской сирены.

Машин не очень много, можно сказать – мало, если вспомнить, что будет твориться в Москве и Подмосковье в 2018 году. Вползла грешная мысль – а может ну их к черту, эти все машины? Опять пробки? Опять смог? Пусть бы вот так и был дичайший дефицит автомашин на душу населения! Общественный транспорт развивать! Велосипеды, в конце-то концов! Электровелосипеды… Хе

хе… представил себя, несущегося по Москве на моноколесе! Вот это был бы прикол! Все головы бы свернули, разглядывая такое чудо!

Так… а где мы находимся, сколько ехать еще? Это было Волосово, что под Чеховым, военный аэродром. Указатель я видел. Так-то я не особо разбираюсь в географии Москвы и Подмосковья, но память-то у меня асболютная, а читал и видел я много, очень много! Потому более-менее ориентируюсь в местности, по которой несется машина. От Волосова до центра Москвы 75 километров. При такой скорости (сотню давит, не меньше) мы доедем минут за сорок. Хмм… а куда именно доедем – это вопрос!

– Товарищи, куда мы едем?

Молчание, после паузы, осторожный ответ:

– Товарищ Карпов… простите, я не уполномочен отвечать на ваши вопросы. Могу только сказать, что с вами хотят встретиться высшие руководители страны. Вам ничего не угрожает, вас очень ждут.

Ну что же… раз очень ждут… мда. Вспомнился старый мультик с котенком по имени Гав. Мудрый дворовый кот ему сообщил, что: «Котенка с таким именем во дворе ждут одни неприятности!» Что сделал котенок? Правильно! Он понесся по лестнице во двор: «Скорее! Скорее! Они меня ждут! Эти Неприятности!» Хе хе хе…

Нет, Ольге я ничего такого говорить не стал. Во-первых, «Котенок по имени Гав» создан в 1976 году. Во-вторых… хватит и во-первых!

Долетели до места за полчаса – я даже удивился. Похоже, что ехали не сотню в час, а гораздо, гораздо больше! Даже по улицам Москвы. Гаишники нам честь не отдавали, но взглядами провожали, это точно. Судя по всему номера, что висели на «Волге» они знали на раз-два. Гэбэшная машина, чего уж там знать…

Место это самое было – Кремль. Ну да, прямиком в него. У ворот даже скорость почти не снизили, я даже слегка так напрягся – а если навстречу какой-нибудь «членовоз»? Уж очень не хочется быть размазанным в виде чего-то подобного арахисовому маслу по капоту бронированного ЗИЛ-114. Впрочем, вру: ЗИЛ-114 никогда не был бронированным. После того, как придурок пострелял

космонавтов, проезжавших в кортеже Брежнева, заводу поручили сляпать из ЗИЛ-114 броневик, но так и не успели его сварганить. А то тех пор считалось, что советский народ обожает своих руководителей и никогда в жизни на них не покусится. Ни-ког-да! Наивняки. Сумасшедшие были во все времена.

Не случилось аварии, не случилось ничего плохого. Машина взвизгнула шинами и остановилась, промчавшись по дорожкам Кремля. Сопровождающий вышел из машины, открыл дверцу с нашей стороны и вежливо пригласил:

– Прошу вас, Михаил Семенович. И вас, Ольга Львовна. Сейчас вас проводят.

Мы вышли, и к нам тут же подошли двое молодых мужчин, выглядевших совершенно так же, как и те, что нас сюда привезли. Ну как братья, ей-ей! Один из них подошел ко мне, другой к Ольге. Тот что подошел ко мне, тут же озвучил нашу программу на будущее:

– Михаил Семенович, вы идете со мной. Ольга Львовна – вот с этим товарищем. Не беспокойтесь, Ольге Львовне будет предложен отдых, питание и все удобства – пока она будет вас ожидать. Об остальном вам расскажут на месте. Прошу вас, следуйте за мной!

– Иди – кивнул я и улыбнулся Ольге, которая выглядела потерянной и жалкой. Ее едва не трясло. Ну как же! Она попала в лапы «кровавой гэбни», о которой ей постоянно твердил отец! И которая так и мечтает добраться до каждого человека в этом мире! Ей-ей смешно… если бы не было грустно.

– Иди! – еще раз твердо приказал я – Все будет отлично, я тебе обещаю! Ты же знаешь, я всегда выполняю свои обещания!

– Знаю – слабо улыбнулась Ольга, и двинулась следом за мужчиной в сером костюме.

Я почему-то думал что меня поведут в тот кабинет, в котором после Сталина сидели все генеральные секретари, то есть – на третий этаж. Но меня повели на четвертый, по широченным лестницам, по всегдашней привычке вождей устеленным толстенным ковром, заглушающим не только шаги, но и казалось впитывающим все звуки на свете не давая им выбраться наружу. Ну что-то вроде космической черной дыры.

Оказалось, меня ведут не в кабинет генсека. За дверью обнаружилось помещение, которое больше напоминало гостиничный номер, а не кабинет в Сенатском здании Кремля. Видимо – что-то вроде комнаты отдыха, хотя назвать это комнатой даже язык не повернется – две комнаты плюс огромная ванная. В одной комнате большая двуспальная кровать (интересно, кто тут на ней кувыркается?!), в другой стол, стулья, кресла, ну и все такое – вплоть до большого импортного телевизора (фирму не рассмотрел).

– Товарищ генеральный секретарь примет вас в пятнадцать ноль ноль – сообщил мне провожатый – Примите душ, или если хотите – ванну, все принадлежности для этого лежат на полочках в ванной комнате. Когда выйдете из ванной, вам будет предложен обед, вы же проголодались за время перелета. В вашем распоряжении два часа. Но прошу вас не медлить, так как товарищ генеральный секретарь очень занятой человек и время его расписано по минутам.

– А почему мне нельзя было пообедать вместе с Ольгой? – нахмурился я, но сопровождающий, имени которого я не знал (и честно сказать – даже знать не хотел), лишь беспомощно развел руками:

– У нас такое распоряжение, простите.

Мне ответ совершенное не понравился. И потому я тут же взбрыкнул:

– Вот что, любезный… я сейчас пойду в ванную, а когда вымоюсь как следует, требую, чтобы моя секретарша была здесь за обеденным столом! Я желаю обедать с ней! И никак иначе! А если вы против… лучше вам не быть против! Если вы желаете сотрудничать как следует, не занимайтесь ерундой! Я понятно объяснил?

– Понятно – спокойно, даже равнодушно кивнул сопровождающий – Я сообщу о вашем желании моему начальству. Не теряйте времени, занимайтесь водными процедурами. Прошу вас, Михаил Семенович!

Он показал мне на дверь ванной комнаты, и прикрыл за мной высоченную, темного дерева половинку двери между комнатами. Ну а я пошел в ванную, сердитый и голодный.

Честно сказать, я когда голодный всегда сердитый, и ничего с собой поделать не могу! Хочешь, чтобы я тебя не покусал – вначале накорми, а уж потом разговоры разговаривай! Так что взбрыкнул я не только потому, что печалюсь о несчастной Ольге, которую увела «кровавая гэбня», ничего с ней не случится, уверен. Просто я голоден и психую. Имею я право на псих обычного человека? Или не имею?! «Тварь я дрожащая, или право имею?!»

Тьфу… это меня уже не в ту степь потянуло. Только чертовой достоевщины мне еще не хватало…

Ну что сказать… белоснежная огромная ванна! Импортная, между прочим. Импортный кафель, импортная сантехника. Кстати – какого черта?! Если вы, уважаемые генсеки и прочие коммунисты не сумели наладить производство нормальной сантехники в своей стране, так какого черта вы не сидите на наших, советских, родных горшках, а предпочитаете финскую сантехнику? Нет уж – вы как все! Чтобы унитаз выглядел то ли противотанковым надолбом, то ли надгробием! Чтобы раковина не была сделана в форме тюльпана, а чтобы жестяная херь, принайтованная к стене металлическими шурупами! Как все! Как «весь советский народ, в едином порыве…»

Мда. Срочно пожрать. Чем дальше, тем хуже я воспринимаю советскую действительность. Ох и корчевать здесь надо! Ну – под самый корешок! Все, все переделывать – весь строй, сверху донизу! Чтобы наши унитазы были не хуже импортных! Чтобы плитка советская не шла лишь для облицовки общественного сортира! Ведь можем же, можем! Вон танки какие делаем классные! А ракеты? Лучшие в мире! До сих пор американосы на наших движках в космос летают! Хмм… каких пор? Что-то я увлекся. Распалился, и увлекся! Забыл, в каком году нахожусь.

Быстренько помылся (Какие, к черту, ванны? Душ, и все!), почистил зубы. Была и бритва, но брить бороду не стал. Подровнял, чтобы не выглядела заброшенным стадом, но сбривать ее совсем не стал. Пусть будет. Она мне десяток лет добавляет.

Оделся, и когда вышел в гостиную… нет, никого не увидел. Стол был заставлен судочками и кастрюлями с аппетитно пахнущей едой (крышки не уберегали от запаха), но Ольги в комнате не было. И тогда я сел в кресло, демонстративно отказавшись усаживаться за стол. Ибо нефиг!

Похоже, что за мной каким-то образом следили, а может случайно получилось, но только сопровождающий образовался в комнате буквально через минуту после моего демарша – тихо проскользнул в двери и бесстрастно сообщил:

– Ольга Львовна будет скоро, как только приведет себя в порядок. Как видите – на столе два прибора. Ваше пожелание было учтено. Прошу вас, начинайте без нее, товарищ генеральный секретарь примет только вас. Это вопрос государственной безопасности. И времени у вас осталось немного.

Звучало как-то гадко, как перед расстрелом: «времени у вас осталось немного!» Но я возмущаться и придираться не стал. В самом деле, надо же и совесть иметь. Понты понтами, но дело надо делать. И сидеть у генсека голодным я не собирался. Нужно омыть мозг волнами сытой крови, чтобы думалось лучше, и чтобы не настигали приступы голодной злобы. Не тот случай, чтобы устраивать голодовку.

В общем, начал я без Ольги. Сам себе наливал, сам себе накладывал – никаких официантов и слуг! Настоящий пролетарий, а не мультимиллионер с зарплатой миллион долларов в месяц! Хе хе хе…

Борщ (Вкусный, гад! Обожаю красный борщ!), бифштексы с картошкой пюре (картошка явно на сливках!). Пирожки с мясом, сладкие, с картошкой. Пирожные – пяти видов, даже глаза разбежались. Салаты – капстный, свекольный, с орехами и без. Аджика и другие острые соусы. Огромный фарфоровый чайник с зеленым чаем и рядом нарезанные лимоны. Все знают, собаки! Все мои вкусы прознали! Даже про зеленый чай с лимоном! Вот она, гэбня-то какая ушлая!

Ох, ох-ох… да, самый расцвет «кровавой гэбни». Нет, я не о том, что сейчас ее расцвет. А о том, как в девяностые Бакатин всю эту гэбню просто уничтожил. И не стало у нас всемогущей «гэбни». Хорошо это? Да я материться начну, в рожу дам, если кто-то скажет, что ЭТО хорошо! Уничтожить одну из самых могущественных спецслужб в мире, если только не самую могущественную – кто это мог сделать? Только откровенный, махровый враг! Горбачев и Бакатин. Вот кто виновны в развале КГБ! И живы, мерзавцы! Не сидят в тюряге, и не кормят червей в земле! Вот как так?! Почему?!

Ольга появилась в комнате, когда я уже дохлебывал борщ, отлив себе из огромной кастрюли едва десятую ее часть. Мне было даже смешно – неужели

они считают, что я такой прожорливый, и смогу съесть все, что мне тут наставили? Даже если я использую в качестве поедателя мою Ольгу, и вдвоем мы не сможем осилить даже половины того, что нам тут наставили!

– О! Вот и ты! – радостно помахал я рукой своей секретарше – Давай, скорее, присоединяйся!

Ольга тут же взяла столовое дело в свои руки – к моему вящему удовольствию. Все-таки уже привык я, чтобы за мной ухаживали. И где то время, когда я штык-ножом вскрывал банку тушенки и жрал оттуда волокнистое безвкусное мясо, набивая желудок и мечтая сейчас упасть и уснуть – настолько я был усталым. Теперь – мне нравятся деликатесы, а еще – чтобы кто-то наливал борщ в мою тарелку. К хорошему быстро привыкаешь, и отвыкать очень даже не хочется.

Закончили мы обед пирожными, а потом я пошел и плюхнулся на кровать, и лежал, глядя в узорчатые потолки и чувствуя прилив доброты и покоя. Ну вот – я сыт и доволен, и теперь могу говорить с руководителем одного из самых могущественных государств в мире на равных.

Ага, наглец – какой-то там писателишка, и с генсеком – «на равных»! Не льсти себе, Михаил Карпов. Стоит ему только захотеть, и ты только щелкнешь под каблуком, как неосторожно выбежавший и-под плинтуса таракан. Но я и не обольщаюсь – каким бы приличным человеком ни был Шелепин – в первую очередь он будет думать о государстве. И о себе, любимом. И только потом, может быть, снизойдет и к моим проблемам. Я в сравнении с Генеральным Секратарем просто мелкота. Но… очень ценная мелкота, и моя задача «продать» себя как можно дороже. Не продешевить и не выложить раньше времени весь товар, чтобы его цена не снижалась со временем. Как это сделать? Не знаю. Буду думать по ходу беседы с генсеком. Как якобы говорил Наполеон: «Ввяжемся в драку, а там уже и посмотрим». По смыслу – примерно так. Вот только одно беспокоит – Наполеон вообще-то плохо кончил…

– Широкая какая кровать! – вдруг тихо шепнула Ольга – Интересно, они нас тут поселят, или…

– Или – усмехнулся я – Вообще-то у меня есть квартира, однокомнатая, у метро Динамовская. А еще – пятикомнатная кооперативная квартира на Ленинском проспекте. Кооперативная. Правда в ней ничего пока нет, пустая стоит. А вот

однокомнатная оборудована. Только ключей у меня от нее нет. Остались в Монклере. Откуда я знал, что мне понадобятся ключи от московской квартиры? Впрочем я запасные ключи оставил Махрову Леше – чтобы иногда забегал и смотрел, не пролил ли я соседей. С условием, что он на моей кровати может дрючить своих любовниц!

– Фу! Как гадко сказали – дрючить! – фыркнула Ольга – Бескультурье! Вы должны выражаться интеллигентно, как и положено маститому писателю!

– Да что ты знаешь о маститых писателях?! – возмутился я, протянул руку и ухватил Ольгу за грудь. Та взвизгнула, захихикала, отбиваясь от моей наглой руки, и в этот самый что ни на есть интересный момент в дверь вежливо постучали. И я тут же вспомнил, где нахожусь.

– Михаил Семенович, пора! – вырвал меня из эротических грез скучный голос сопровождающего, и я едва не скрипя зубами слез с кровати. Сейчас бы поваляться! А потом – одному поваляться… хе хе… солдафон, ага! Ну вот таким меня и примите! Или идите нахрен… я вам не золотой десятирублевик, чтобы всем без исключения нравиться!

Погрозив Ольге пальцем и приказав без меня не шалить, я отправился за провожатым, оставив на стуле в столовой свою куртку. Одет я был все так же, как и прежде – простые джинсы-«левиса», и серый свитер «а-ля Хемингуэй». Ну а что, писателю можно. Я эксцентричный писатель-фантаст, не принимающий никаких авторитетов, и славящийся своими резкими высказываниями по любому поводу нашей жизни. Так что никто не удивится такому моему наряду. Шпион вернулся с холода, отвяньте от меня!

Вот теперь меня повели на третий этаж. В какой именно комнате находится кабинет генсеков – я не знаю. Никогда этим не интересовался. Знаю только, что в Сенатском здании и на третьем этаже. Все! Вся информация. Впрочем – абсолютно бесполезная информация. Такого мусора в моей голове более чем достаточно. Вот взять бы, да обменять эту информацию на… хмм… нужную! Важную! Не бесполезную! Но тут уже все, никак. Я помню только то, что когда-то читал, все, что когда-то видел, и что осело в закромах моей памяти. И никаких подключений к «банку памяти вселенной», как это положено уметь порядочному попаданцу.

Меня завели в кабинет, где перед двустворчатыми дверями сидел мужчина лет сорока, который тут же снял трубку и что-то в нее сказал, типа: «Прибыли». Потом кивнул моему сопровождающему и тот открыл передо мной дверь в святая святых – кабинет Генерального Секретаря Коммунистической Партии Советского Союза. В общем – туда, куда большинство граждан СССР могут заглянуть только через экран телевизора – если им это конечно же покажут.

Впрочем, показывать тут особо было и нечего. Облицованные дубом стены? Да это стиль всех советских руководителей страны сверху донизу. От Кремля, до самого до края. («От Москвы до самых до окраин!») Ковер на полу? Эка невидаль! И длинный стол для совещаний – разве это редкость? Скорее – просто обыденность. В общем и целом – скучный огромный кабинетище, в котором теряешься, как в каком-нибудь католическом соборе и чувствуешь себя маленьким и убогим перед лицом божества.

«Божество» сидело за своим столом и что-то писало, не глядя на вошедшего и совершенно не обращая внимания на того, кто сидел рядом за столом для совещаний. И мне вдруг со смехом подумалось – а может, изображает деятельность? Ну как в том фильме про барона Мюнгхаузена. Там Герцог (Броневой) развлекался тем, что шил женские платья, а когда кто-то приходил, накрывал швейную машину и недошитые платья, и с умными видом зачеркивал листы какой-нибудь книги. Мол, он не согласен с автором и вычеркивает всю его ересь! Вот и сейчас возможно происходило тоже самое.

От этой мысли на моих губах вдруг пробилась улыбка, и тому, кто сидел за столом совещаний, видимо это показалось странным. Не так себя ведут в присутствии Генерального Секретаря, не так! Брови мужчины слегка поднялись, а лицо сделалось таким задумчивым-задумчивым…

Наконец и божество обратило на меня внимание, когда я прошел через весь огромный кабинет и остановился возле стола Генерального. Шелепин поднял взгляд, глаза его чуть прищурились, а через пару секунд он легко поднялся со своего места и вышел ко мне навстречу.

– Так вот вы какой, легендарный Шаман! – он протянул руку, и рука была твердой, сухой, энергичной. Есть у меня такой грешок – по тому, как здоровается человек, пытаюсь определить его склад ума, его… хмм… даже не знаю, как это назвать. Характер? Так вот характер Шелепина был в высшей мере деятельным, что кстати доказывали последние события – например, устранение Брежнева и

Андропова.

– Присаживайтесь за стол, вот сюда (он указал на стол для совещаний). А мы с товарищем Семичастным сядем напротив. Вам так виднее нас, а мы на вас посмотрим. Уж очень нам интересно видеть легенду спорта, писателя с мировым именем вживую!

Хмм… глумится, что ли? Ей-ей в глазах смешинка, типа он не совсем всерьез меня воспринимает. И не могу понять – нравится мне это, или нет. Если у человека есть чувство юмора, значит он уже не совсем дурак. Или, вернее – не совсем дурак. Люди без чувства юмора всегда вызывали у меня опасение, которое оправдывалось в 99 процентов случаев. Обычно они были недалекими придурками, с которыми дело иметь нельзя ни в коем случае. Увы, нередко они были моими командирами, как ни печально это признавать.

Я присел за стол, Шелепин и Семичастный напротив меня. Семичастный вперился в меня взглядом так, будто хотел прожечь во мне дырку. Я, кстати, от него не отставал – разглядывал председателя КГБ беззастенчиво и откровенно.

– В каком году я помер? До того, как вы к нам попали? – вдруг спросил Семичастный, и у меня внутри вздрогнуло от нереальности, неправильности вопроса. Я же Шаман! Я предсказатель! А ты чего спрашиваешь?

– Только не надо нам лапшу на уши вешать, ладно? – продолжил Семичастный своим хрипловатым, резким голосом, соответствующим его грубоватому, будто вырезанному из дерева лицу – Вы путешественник из будущего, мы это знаем. Кем вы там были? Военным? В каком звании?

– Подполом на пенсию вышел – не думая, автоматически сказал я, и тут же скривился – вот так и ловят дурачков! Вот так и попался! Ничего они не могли знать – чисто умозаключения! И зачем же я себя сдал?! Ах ты ж болван… расслабился! Посчитал противника слабым, неспособным меня раскусить?! Вот и попался. Это же КГБ, дурак! Тут идиотов не держат!

Собеседники переглянулись, и Шелепин уже почти ласково сказал:

– Ну вот и хорошо. Вот и правильно. Правильно, что не стали запираться и врать. Нам не надо врать – мы ваши друзья. Настоящие друзья! Не то что эти

американцы, которые в благодарность за ваши сведения попытались вас убить! Кстати, а за что именно они попытались вас убить?

Я помолчал, обдумывая ответ. По большому счету – что я теряю? Да ничего не теряю. Тут и в самом деле – или ты идешь до конца, сотрудничаешь, как можешь, или выступаешь третьей силой – то есть ни нашим, ни вашим. А здесь не та ситуация, чтобы усидеть на двух стульях, как я раньше пытался это сделать. И вообще – это же СВОИ, я ради них стараюсь! Ради нашего общего будущего, ради Советского Союза! Я не хочу, чтобы получилось так, как получилось в нашем времени, в нашем мире, и потому…

– Я раскрыл заговор против президента США. Гувер через Фелта сливал сведения о Никсоне журналистам «Вашингтон пост». Через два года Никсона должны были подвергнуть импичменту и уволить с должности президента. Я предупредил его, а они скорее всего нас подслушали, узнали о том, что я его информировал. Во избежание полного разоблачения они попытались убить президента и собирались убить меня. Вот, в общем-то, и все.

– И вы решили пересидеть это время на родине – задумчиво констатировал Семичастный, и тут же яростно и жестко спросил – Какого черта вы сразу не пошли к нам?! Какого черта вы взялись действовать на свой страх и риск, не посоветовавшись с опытными товарищами?! Что за дурацкая самодеятельность, товарища Карпов?!

Может он и был прав, только я уже давно отвык, чтобы на меня орали и указывали, что мне делать, а что не делать. Потому я сразу же напрягся, и уперся взглядом в серые глаза Семичастного, будто этим взглядом я пытался его оттолкнуть. Да пошел ты, умник! Тебе из кабинета тут виднее, да?! А я там под пулями бегал! Ты вот – бегал под пулями?! Нет, не бегал! Порок сердца у тебя! Освобожденный ты от военной службы! Зато Пастернака клеймил умело, со свиньей сравнивал! Комсомолец хренов!

– Тихо! – Шелепин поднял руку, будто пытался остановить драку – Значит, у товарища Карпова не было другого выхода, ведь так, товарищ Карпов?

– Не было – сглотнул я, чувствуя, как отпускает меня ярость – Я сделал то, что считал необходимым. Никсон всегда относился к нашей стране очень терпимо. При нем были заключены договоры об ограничении стратегических вооружений,

при нем, и при его активном участии Штаты вышли из войны во Вьетнаме. Я должен был его спасти. Те, кто придут вместо него – гораздо хуже. Так называемые демократы – разжигатели войн, и они сделают все, чтобы Союз в конце концов развалился. И добьются своей цели. Потому я не мог допустить, чтобы Никсона убрали с поста.

– А нам это сообщить? – мягко спросил Шелепин, глубоко вздыхая, и как бы показывая этим ошибочность моих умозаключений – мы бы обдумали все, и тогда уже приняли решение: как именно, с какой дозированностью подкормить американцев информацией. И вы бы тогда не пострадали. Вы бы до сих пор сидели сейчас на своей вилле у моря, зарабатывали миллионы, и работали бы на благо нашей страны, как резидент нашей разведки! А теперь что? Вы в бегах! И как мы объясним то обстоятельство, что вы, не проходя таможенного контроля оказались в СССР? И самое главное – ПОЧЕМУ вы тут оказались? Вы над этим думали? Вот если бы вы связались с нами, рассказали бы о Никсоне и его будущем – мы бы по нашим каналам слили ему информацию. И вы были бы ни причем. Мы бы сделали так, чтобы никто не заподозрил именно вас! Понимаете вы это, или нет?

Я понимал. И честно скажу – мне вдруг стало немного стыдно. Но только немного! Потому что…

– Я не знаю, кто принимал решение меня похитить и доставить в СССР, как кусок свинины. Честно сказать, мне это даже не интересно. Но факт есть факт – вы пытались меня похитить, и как я после этого должен вам доверять? Скажите, почему я должен вам доверять?

– Потому, что это были НЕ МЫ – с нажимом сказал Семичастный – Тех, кто принимал это решение уже нет в органах безопасности. А мы, кстати, очень высоко оценили ваши усилия, и наградили вас высшими правительственными наградами.

– Да, кстати… – Шелепин поднялся, подошел к столу и взял две коробочки красного сафьяна. Подошел ко мне и остановился возле моего стула:

– Встаньте, товарищ Карпов!

Я встал, и тогда Шелепин раскрыл одну коробочку. В ней лежал знакомый мне по картинкам, такой родной, такой знакомый орден Ленина, высшая награда СССР!

Честно сказать, я не верил, что они меня на самом деле наградили. Думал – врут, чтобы привязать меня к СССР. А он – вот он! Сияет эмалью и золотом! Настоящий орден Ленина!

Внутри у меня захолодело, и я не мог произнести ни слова. Глотку перекрыл комок.

– За особо выдающиеся заслуги в деле защиты нашей социалистической родины, за спасение людей, за развитие дружбы между народами и поднятие авторитета нашей страны в международном сообществе, Михаил Семенович Карпов награждается высшей наградой нашей страны – орденом Ленина! С вручением золотой звезды Героя Советского Союза! Примите награду, Михаил Семенович, мы вами гордимся!

Я сглотнул и вдруг почувствовал, что глаза моим совершенно непроизвольно увлажнились. Я, старый циник, тертый-перетертый вояка – едва не пустил слезу! Никогда, даже в самых своих фантастичных фантазиях я не представлял, что мне вручат ТАКУЮ награду. Хотя бы потому, что государства, которое могло ее вручить уже давно нет на карте мира. Вернее – не было! Оно есть! И надеюсь – будет всегда!

Шелепин приколол мне на свитер орден Ленина, потом звезду Героя, и отошел на шаг, будто художник, оглядывающий произведение своих рук. А я, выждав секунду, громко и четко сказал:

– Служу! Советскому! Союзу!

И это была истинная правда. Совершеннейшая правда! Потому что только ему я и служил. Не этим двух мужикам, свергнувшим своих предшественников. Не социалистическому строю, который довел страну до развала с помощью тупых решений престарелых своих руководителей. Нет. Я служил своей стране, своей Родине! И какая разница, как она называется – Советский Союз или Российская Федерация – это МОЯ Родина, и она ей останется навсегда. И я с ней – навсегда. И только так.

Семичастный тоже вышел из-за стола и протянула мне руку:

– Поздравляю вас, товарищ Карпов. И не обижайтесь. Я можно сказать… любя! Вы наш человек, я знаю, а потому мои резкие слова не были сказаны для того, чтобы вас как-то обидеть, оскорбить. Я болею за дело, и если вижу, что можно было сделать все по-другому – говорю честно, без обиняков. И вы всегда можете на это рассчитывать. Мы вам не враги! Мы сделаем все, чтобы вам помочь, и чтобы воздать вам по заслугам. Но и вы нам помогите. Дайте нам информацию, которая поможет нашей стране! Сделайте все, что возможно сделать, и страна вас не забудет!

– По-моему я и так делаю все, что могу – вздохнул я, отпуская руку Председателя КГБ – Кто скажет, что это не так – пусть первый бросит в меня камень. Что смогу – расскажу. Только не думайте, что я вот так усядусь и опишу все, что произойдет в будущем. Во-первых, и вы уже должны были догадаться – чем больше я даю прогнозов, тем больше изменяется будущее. А значит – прогнозы в конце концов просто перестанут сбываться. И значит я стану бесполезен для вас. А во-вторых… мои воспоминания проявляются не сразу. Я не могу вам дать полную картину всего на свете. Мне нужен вопрос, чтобы я на него мог ответить, понимаете? Ну то есть я не могу вам рассказать о том, о чем вы меня не спросили. Или… даже не так: я не могу рассказать о чем, во что не уперлась моя мысль. Вот я подумал о чем-то, что-то натолкнуло меня на мысль, и сразу же у меня в памяти всплывают какие-то данные, какая-то информация, которую я получил в течение своей жизни. А если не натолкнуло на мысль, значит… значит – я ничего и не скажу. И это не потому, что не хочу. Просто так устроена система моих воспоминаний. Я просто не вспомню! Да, я готов отдать вам всю информацию, что имею, но вы не должны выжимать меня досуха, как тряпку! И уж тем более не должны использовать какие-то химические средства, чтобы заставить меня говорить. В противном случае вы нарушите систему воспоминаний моего мозга, и тогда… тогда не будет совсем ничего. Вся моя ценность именно в том, что я при желании могу достать из мозга все, что я когда-то прочитал, видел, слышал в своей жизни. И воспоминания эти всплывают порционно, и лучше всего – как ответы на вопросы. Но я уже повторяюсь.

– Давайте, присядем! – предложил Шелепин – В ногах правды нет. Банально, но это истина. Сейчас вы Михаил Семенович расскажете нам, кто вы такой на самом деле и откуда взялись. А потом мы поговорим дальше.

– Мне хотелось бы выяснить один вопрос… – начал я нерешительно, и замолчал, собираясь с мыслями, но Шелепин меня остановил:

– Я вас прекрасно понимаю, Михаил Семенович. Ваш официальный статус мы обсудим позднее, как и социальные гарантии для вас. Как я уже вам пояснил, страна вас не забудет, родина вас не оставит. И на этом пока остановимся. Давайте-ка к делу. Итак, кто вы такой:

– Я Карпов Михаил Семенович. Да, именно так меня и зовут… звали… будут звать в две тысячи восемнадцатом году. (глаза Шелепина и Семичастного расширились, они переглянулись). Я военный пенсионер. Когда попал сюда, мне было без малого пятьдесят лет. Я участник нескольких войн, о которых вам некогда писал в письме. Был бойцом спецназа – это такие специально обученные подразделения армии, созданные для исполнения особо сложных боевых задач. Например, меня натаскивали на диверсионно-разведывательную деятельность, а конкретно – на захват командных пунктов стратегического вооружения. А также для диверсионной деятельности в тылу врага. Специализация моя – снайпер, так как я с детства обладаю умением попадать туда, куда целюсь. После демобилизации из армии служил в ОМОНе – это тоже специальные подразделения, но только в структуре МВД. Они будут созданы в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году, в связи с тем, что страну захлестнет волна бандитизма, и понадобятся специальные военизированные подразделения чтобы с успешно бороться с бандгруппами. ОМОН будет существовать и в две тысячи восемнадцатом году.

– Почему вы уволились из ОМОНа? Почему ушли на пенсию? (это Семичастный)

– Навоевался, хватит – вздохнул я, и мои награды на груди тихонько зазвенели, столкнувшись – устал от крови. От всего устал. Пенсия неплохая, опять же доплаты за награды, так что… жить можно. Домик на окраине города, автомашина «нива», и на природу, чтобы никого не видеть. Чтобы только небо, поле, лес…

– Мне иногда самому хочется уехать, и никого не видеть! Очень даже понимаю! – усмехнулся Шелепин.

– Но-но! – Семичастный погрозил пальцем Шелепину – Товарищ Генеральный, что за упадническое настроение! Не для того мы впряглись в это ярмо! Тянуть надо!

Правильно, Карпов?

– Правильно, товарищ Семичастный… – усмехнулся я – не для того вы… впрягались в ярмо. И не для того я тут эти все кружева устроил.

– А для чего? – тут же вцепился гэбэшник – зачем вам все это? У вас куча денег, вы уважаемый во всем мире человек – зачем вам помогать нашей стране? Сидели бы у себя на вилле, да сидели! В кино снимались! Зачем вы устроили ЭТО?!

– Затем, что я советский человек. Я родился и вырос в этой стране. И я видел, как она умерла. Видел, как стая шакалов рвала ее, растаскивала на части! Видел, как страдает, как умирает мой народ! Разве может советский человек спокойно жить, зная, что ждет в будущем его родину?! А жить потом как?! Как смотреть в глаза самому себе, глядя на себя в зеркало?! И пусть это возможно и не мой мир, но люди-то те же! Наши, советские люди! И я хочу, чтобы страна жила. Наша, советская страна! И потому я решил – сделаю все, что возможно, но Союз спасу. Людей спасу! Вот, в общем-то и все.

– А как вы попали сюда? И почему вдруг занялись писательством? (это Шелепин)

– Попал в аварию на трассе под Саратовом. Очнулся ночью, на дороге – голый, как младенец. Ну и как-то надо выживать? Отправили в психушку, там пробыл некоторое время. Ну и дальше вы все знаете, уверен. А что касается писательства – так я и был писателем в своем мире, в своем времени. Писателем фантастом средней руки. Вполне востребованным, даже можно сказать – успешным. В один прекрасный момент я вдруг начал писать книги – ни с того, ни с сего. Пишу я их очень быстро – в сравнении с другими писателями – ну вот так и получилось, что к моменту моего переноса у меня за плечами было несколько десятков фантастических романов. Здесь мне осталось только записать их, да отправить в издательство.

– А почему ваши романы здесь имеют такой успех? Если у себя вы были всего лишь писателем средней руки?

– А что такое – «писатель средней руки»? Давайте вначале мы дадим определение – что именно означает понятие «писатель средней руки». В моем понимании, это тот писатель, на котором и держится издание художественной

литературы. Его не проталкивают, не рекламируют, как счастливцев, попавших в струю. По его книгам не снимают фильмов. Но пишет он ничуть не хуже, а частенько и лучше, чем многие из тех, кто годами почивает на лаврах. И стоит ему попасть туда, где общий уровень писательского мастерства ниже, чем его уровень – результат будет просто потрясающим. А я вам скажу, что в реалиях дикого капиталистического рынка уровень писательского мастерства в две тысячи восемнадцатом году году вырос в разы. По одной простой причине – все писатели, которые не умели писать так, чтобы люди отдавали деньги за их книги – вымерли, как класс. Остались только те, кто в жесткой конкуренции пытаются выжить за счет своего мастерства и своей богатой фантазии. Вам вероятно трудно и представить такие обстоятельства, когда ВСЕ, абсолютно все издательства стали частными! Когда писателя никто не поддерживает, никто не создает ему условий для жизни и творчества, когда всем наплевать – жив ты, или мертв! И все, что ты можешь сделать – это написать так, чтобы люди твою книгу купили. Кто-то скажет, что это хорошо для творчества, что так, в конкуренции рождаются хорошие книги и растет уровень писательского мастерства. А я вам скажу: это смерть писательского дела. Государство сделало ставку на телевидение и наплевало на книги. Таковы реалии две тысячи восемнадцатого года. И вот теперь посмотрите: в ваше время попадает опытный, набивший руку в написании книг писатель, который сумел выжить в условиях дичайшего капитализма. А вокруг него слабые, убогие авторы с их дурацкими книжками, насыщенными выше предела, до рвоты – политической составляющей. В ущерб сюжету, в ущерб логике. Все эти тупые производственные романы, все эти глупые истории соцреализма, не имеющие никакого отношения к реалиям жизни! Так стоит ли удивляться, что мои книги – яркие, красивые, интересные имеют успех в этом болоте серых и глупых книг?!

– Вы совсем даже не скромничаете – усмехается Шелепин – Неужели все так плохо? Ну есть же хорошие книги! Не все ведь серые производственные романы!

– Есть. Я вырос на «Двух капитанах» – тоже усмехаюсь я – «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Гайдар. И еще много, много других книг! Но где вы тут видите фантастику? Фантастика в нашей стране всегда была в загоне. Ее всегда считали вторичным, несерьезным жанром. А людям нужна сказка! Людям нужна мечта! И если я в сказке даю им правильные идеи, маскируя их фантастическим антуражем – так чем это отличается от тех книг, которые считаются «серьезными»? Вся разница в том, что одни люди ставят на обеденный стол серый невкусный хлеб, а я ставлю румяную, вкусную булочку! Но результат-то по большому счету один – насыщение! Но что скорее съедят? Черствый хлеб, или сладкую булку?

– Ишь, как завернул! – хмыкнул Семичастный посмотрев на Шелепина – Мы, значит, кормим народ черствым хлебом! А он булки им дает!

– А он прав – задумчиво кивнул Шелепин – И в самом деле, мы это все упустили. Мы должны подавать людям правильные идеи – добро, честность, порядочность. Но в каком виде? Что они лучше съедят? Кстати, надо бы его дружку этим заняться поплотнее.

– Какому дружку? – насторожился я.

– Махрову вашему! – усмехнулся Шелепин – Министру культуры!

– О как! – восхитился я – Леша пошел на повышение! А куда взяточницу подевали?

– Это кого? Фурцеву, что ли? – брови Семичастного поднялись.

– Ну а кого же еще? Хапала ртом и жопой, не гнушалась брать взятки с артистов, чтобы другой раз им позволили выехать за границу. Вы бы только знали, что люди о ней писали потом, когда это можно было писать! Не стеснялась – просто брала из рук в руки. Интересно, куда смотрели компетентные органы…

– Повторюсь – это было ДО нас! – нахмурился Семичастный – А по факту взяточничества Фурцевой я попрошу вас написать подробнее. Мы опросим людей, дадим ход делу.

– Да что тут писать? Вы с певицей Вишневской поговорите. Это она говорила, что некогда дала Фурцевой четыреста долларов, чтобы та выпускала ее за границу. А то частенько бывало так: приглашают Вишневскую, а едет другая. Кстати, если бы вы не убрали Фурцеву, ее все равно вскорости бы уволили. В моем времени ее убрали через два года – она строила себе дачу, пользуясь своим служебным положением. Рабочих и стройматериалы взяла себе бесплатно, за счет министерства. На том и погорела. И вообще – для меня загадка, почему так долго держали на этом месте совершеннейшую непроходимую дуру, никакого отношения не имеющую к культуре, не разбирающуюся ни в чем мало-мальски культурном! Анекдоты про нее ходили и ходят! И ЭТО существо командовало культурой в нашей стране?! Ее гнать надо было… по одному месту мешалкой!

– Мда… вас там у себя, в будущем, не били? – усмехнувшись спросил Семичастный.

– Пытались – серьезно ответил я, пожав плечами – Но это для них плохо заканчивалось. Я ведь кроме того что языкастый, еще большой и довольно-таки злой.

– Да, мы знаем – фыркнул Шелепин – Эк вы отдубасили несчастного Али! Я смотрел – просто одно удовольствие, как отдубасили. Думал, что у вас никаких шансов. Ан нет! Молодец! Наш человек!

– Все для Родины, все для победы! Пусть знают, что советского человека победить невозможно! – так же серьезно ответил я.

– Видал, Владимир Ефимыч? Вот как надо пропагандой заниматься! Набуздал по морде наглецу, и сделал для пропаганды своего государства больше, чем десять газет «Правда» и двадцать газет «Труд»! – Шелепин довольно кивнул – Молодец, я же говорю! Как думаете, Михаил Семенович, Махров потянет на посту? А то давайте – вас поставим министром культуры!

Я посмотрел в глаза Шелепину и не смог в них ничего разглядеть. Он серьезно, или нет? А ведь похоже, что на полном серьезе…

– Махров справится. А если что – я ему подскажу – медленно, обдумывая каждое слово начал я – Что касается меня, я лично больше принесу пользы ТАМ, в Америке. Русский писатель, который рассказывает о жизни в СССР, который создает правильный образ советского человека – разве это не важнее, чем командовать министерством культуры? А я за постами не гонюсь. Зачем они мне? Чтобы строить дачу за государственный счет? Воровать? Взятки брать? Так это к Фурцевой. У меня денег и так хватает. За всю жизнь не истратить. Другая у меня задача. Какая? Сохранить СССР! Сохранить нашу страну! Помочь родине избежать ошибок, которые она допустила в моем мире, в моем времени! Сберечь людей. И я вас прошу помочь мне в этом. Не ставить палки в колеса! Если я считаю, что мне лучше действовать ТАМ, а не здесь – не перекрывайте мне дорогу!

– Да мы и не собирались – проворчал Семичастный – время покажет, стоит вам ехать в США, или нет. Если Никсон не выживет, если власть возьмут те, кого поддерживает ФБР – что вам там делать? Жить-то хотите? Или надоело? А здесь работы для вас хватает. Во-первых, пишите свои книжки, радуйте людей. Во-вторых, поможете нам, будете давать информацию, ну и советовать – по мере возможности. Ну и культура – поможете Махрову. Разбираетесь в книгоиздании? Ну и хорошо! Будете контролировать этот отдел культуры! Ну а потом все в Штатах успокоится, мы поймем, куда дует ветер, и… видно будет. Сочтем, что поездка в Штаты для вас безопасна – так езжайте, кто вас держит? Вы и в самом деле там нам нужнее, чем здесь – когда сделаете все, что можете ТУТ.

«Когда мы тебя выжмем досуха!» – вот как это надо читать, усмехнулся про себя я. Этого и следовало ожидать. А чего я хотел? Чтобы они, не использовав меня по-полной, выпустили из страны куда глаза глядят? Нет, парень… так не бывает.

– Ну а теперь мы можем поговорить и о другом вопросе – кивнул Шелепин – Ваша позиция понятна, и она нас устраивает. Примерно этого я и ожидал, читая доклады моих аналитиков. И хотя материальный стимул вас не очень интересует, особенно после того, как вы так фантастически разбогатели, но все-таки, я хочу, чтобы вы знали, как вас ценит наше государство. Поговорим о материальном.

Глава 2

– Присаживайтесь, пожалуйста!

Предупредительный молодой мужчина открыл перед нами дверцу все той же черной волги, и я, пропустив вперед себя Ольгу, сел на заднее сиденье.

Странное ощущение. Уже начал привыкать сидеть на заднем сиденье. А раньше терпеть этого не мог! Мое место – это так называемое «место трупа», то есть – справа от водителя. Почему трупа? Да потому что при аварии в первую очередь погибает тот, кто сидит на этом месте – я это еще с ментовки вынес. Слышал, как обсуждали эту тему следаки. Самое безопасное в машине место – за водителем. Ну вот пускай там Ольга и сидит.

Распрощался я с двумя высшими небожителями страны вполне даже по дружески. Нет, я с ними не выпивал. Хотя прикольно было бы выпить пятьдесят грамм с самим Генеральным Секретарем КПСС и Председателем КГБ СССР! Шелепин не пьет и презрительно относится к тем, кто выпивает. Возможно потому, что за свою карьеру насмотрелся на советских руководителей, которые повально страдали алкогольной зависимостью.

Про эту самую зависимость – это не придумка, и не наветы злых антикоммунистов. В советское время все дела частенько решались через бутылку. Я не знаю, почему так сложилось – возможно, война так подействовала, постоянные стрессы, а потом уже передалось так сказать в поколениях, но только вот на человека, который не пьет, чиновники смотрели в в высшей степени подозрительно! Не пьет вместе с ними, значит – стучит! И значит, этого человека нужно опасаться. Тем удивительнее факт того, что Шелепин сумел, презирая алкогольную зависимость, добраться до таких высот. Это каким надо быть умным, хитрым, изворотливым – чтобы влезть на самый верхний насест! Уважуха, что еще скажешь.

И задумаешься – сумеешь ли такого человека перехитрить? Сумеешь не поддаться на его интриги? Ой, сомнения у меня в этом плане! Это не президент США, по большей части номинальная и ничего не решающая фигура. Здесь – полноправный властелин, который может вся и все!

Машина плавно тронулась с места, и я вдруг впервые обратил внимание… черт подери, у нее ведь коробка автоматическая! Точно! То-то она перла по трассе, как истребитель! Движок от ГАЗ-13 «Чайка»! Не зря мне показалось, что машина по дороге идет устойчивее и вроде как даже мягче. И стеклоподъемники электрические. И кондиционер – вон, я вижу ручку управления кандюком. Крутая тачка! Их с 1968 года делают мелкими партиями, и называли «догонялками». Почему догонялками? Да понятно – почему. Надавил на педаль, и… все в заднице! То есть – позади тебя. Она шла чуть не до двухсот километров в час. Вот только бензина жрала… жрет – немерено! И не простого бензина, а 95-го, которого в СССР сейчас нет. Его закупают в Финляндии, и заправиться им на заправках невозможно. Но общих заправках, само собой разумеется. Купить такую машину в частное пользование практически невозможно – все они в ведении КГБ, а если бы кто-то даже и купил – содержать ее просто невозможно. Специальные масла, специальный бензин, специфические запчасти. Никому такое чудо не нужно. Если только на Кавказ? Тем, ради понтов – все нужно.

Помню, такая «волга», только желтая, имелась в одном из областных управлений ГАИ, ее почти не эксплуатировали – по тем же причинам (дорого!), и выезжала она очень редко, только на сопровождение ВИП-персон. А потом ее списали, купил кто-то из ментовских чинов. Купил, и выгнал на авторынок – продавать! Только открыл капот, вокруг машины сразу образовался круг из лиц определенной национальности. Они кричали: «Вах! Вах!» – и машина ушла за пятнадцать минут. По хорошей цене. Никто ведь не стал объяснять покупателям, что приобретают они абсолютный геморрой.

Ехали мы недолго – от Кремля до Котельнической набережной ехать совсем ничего, можно сказать два шага. Я даже время не засек, показалось – минут за пятнадцать долетели, или даже меньше. Впрочем, на этом жутком пепелаце – плевое дело. Но мигалку сейчас не включали – зачем? Дом никуда не убежит.

Я снова достал из кармана голубую бумажку и прочитал свою фамилию, номер дома, корпус и номер квартиры. Вот не верится, да и все тут! Квартира в высотке на Котельнической набережной в мое время стоит… сколько? Да хрен знает – сколько. Помню цифру в полтора ляма зеленых. Помню и больше. Сколько может стоить квартира в четыре комнаты площадью более ста квадратных метров?

Бумажку сложил вчетверо и положил в новенький, пахнущий краской паспорт. Не стали заморачиваться, искать мой прежний паспорт, оставшийся где-то в недрах разрешительной системы – просто выписали новый и проставили в него штамп новой прописки. Легко и просто!

Ну а чего – «тоталитарное государство»! Приказал царь – и забегали муравьишки, принесли все, что он потребовал. Попробовали бы такое сделать где-нибудь в США! Дни ушли бы на передачу приказа и его исполнение, да и то – в лучшем случае дни. А то и недели. Это пристрелить известного русского писателя, светоча литературы – быстро и легко, а документ сварганить – это трудно.

Глядя на меня, достала паспорт и Ольга, раскрыла, зачем-то понюхала, с улыбкой шепнула:

– Хорошо пахнет!

– Родиной? – тоже улыбнулся я.

– И… родиной тоже – хихикнула Ольга – Люблю запах типографской краски, с детства люблю! Может я стала журналисткой именно потому, что мне нравится запах свежих газет! Вот!

– Маньячка! – ухмыльнулся я – Наркоманка!

– Да! – злобно оскалилась Ольга – Щас как вцеплюся в одно место! Ух, попляшете тогда! Знаете, что мешает плохому танцору?!

– Вот щас обидно было! – пригорюнился я – Что, я плохо танцевал в клубе? Да на нас все смотрели, а бабы визжали так, что чуть из трусов не выпрыгивали!

– На меня они смотрели! – мстительно завершила Ольга – На грудь мою! То бишь на сиськи! А вы…

– Слушай, прекрати меня называть на вы, а?! Меня это просто бесит! После того, что мы пережили… да и на вид мы одногодки!

– Врете! Эээ… врешь! Я моложе выгляжу! Мне никто больше девятнадцати лет не дает!

Я посмотрел на Ольгу «чужим» взглядом, поднял брови:

– Хмм… ну… соглашусь. Больше девятнадцати лет тебе не дашь.

– Прощен! – махнула рукой Ольга и выглянула в окно, отодвинув занавеску – Ух ты! Здоровая какая махина! Что, уже приехали?

– Похоже, что приехали… – задумчиво сказал я, убирая паспорт в карман.

Ольге тоже выдали новехонький паспорт, и самое что интересное – паспорт гражданки СССР, росчерком пера вернув ей родное гражданство (тоже преимущество «тоталитарного» государства). И прописку сделали – теперь она была прописана в моей… бывшей моей однокомнатной квартире у метро Динамо. Кстати, я как провинциал все время хочу назвать «метро Динамовская», вот

хочу, и все тут! Никак не могу привыкнуть, что это «метро Динамо»!

Пора привыкать. Я ведь теперь «маасквич»! Хе хе хе… А лет через десять сделаюсь «коренной маасквич»! А может и раньше. Тут ведь как: коренной москвич, он никогда не носит в руках ничего кроме нотной папки или портфеля, а еще – он не стоит на эксклаторе, а обязательно бежит по нему вниз, ибо экономит каждую секунду своего делового времени. Только «понаехавшие» шастают с огромными баулами, пахнущими колбасой, и стоят на эскалаторе, дожидаясь, когда мимо пробежит «коренной москвич». Так их и вычисляют.

Впрочем, сейчас это еще не очень заметно. Москва еще полна настоящими коренными москвичами, которые вскорости окажутся где-нибудь в Мытищах, сбежав от наплыва «коренных» москвичей, понаехавших в Нерезиновую в лихие 90-е. Эта Москва еще ТА Москва, столица моей Родины, Советского Союза. Той Родины, о которой тоскуют все, мечтающие услышать хруст советской булки.

Забавно. Почему-то те, кто мечтает чтобы вернулось прошлое, забывают о том, что родин-то на самом деле было две, и те, кто вышел из СССР и сохранил память и разум, помнят именно эти ДВЕ родины. Одна – это бараки, которые строили на три месяца, и которые стоят уже тридцать лет. Отсутствие в магазинах дефицитных товаров – практически тотальный дефицит на все более-менее интересное, современное, качественное – начиная с колбасы и заканчивая автомобилями. И полнейшее неравноправие, которое никогда не признают те, кто жил в советское время… «как сыр в масле катался». Обычно это жители крупных городов – Москва, Ленинград, Киев и Рига. В семидесятые годы там было ВСЕ, особенно если ты «выбился в люди» и каким-то образом припочковался к спецраспределителю.

В доме, у которого мы только что припарковались, жили те, кто именно что «выбился в люди». Это был островок благополучия, вернее – пик благополучия, возвышавшийся на Москва-рекой и Яузой как огромная скала, о которую разбиваются все жизненные невзгоды. Вначале тут жили только работники НКВД, но потом, после того, как к зданию пристроили новые корпуса, сюда стали селить тех, кто с точки зрения советской власти заслужил проживание в «пике благополучия» своими праведными деяниями на благо родной страны. Художники, скульпторы, балерина и актриса, композитор и просто чиновник высшего ранга – кого только здесь не было! Если ты получил ордер на квартиру в высотку на Котельнической набережной, значит – заслужил, значит, ты чего-нибудь да значишь. Это как получить орден. А может даже и покруче. Орденов

много, а высоток на Котельничьей – одна. И квартир в ней ограниченное количество.

– Пойдемте, Михаил Семенович, я покажу вам вашу квартиру. Но начнем мы с гаража – с мягкой улыбкой сообщил мне провожатый, который сидел на правом сиденье торпеды-«волги».

– С гаража? Хорошая новость! – искренне обрадовался я – А то я все думал, куда мне девать машину? Бросить на улице – как-то… не очень.

– Нет-нет, что вы! Мы все продумали! – улыбнулся мужчина. Имени своего он не назвал, а спрашивать я не стал – захочет, так сам назовет. А не называет – значит, не положено. Да и если назовет – никакой гарантии, что это его настоящее имя.

Гаражи, как оказалось, находились под чем-то вроде длинного пандуса, или не знаю, как это назвать. По этому пандусу можно подъехать к высотке с одной из сторон и припарковаться. И не догадаешься, что внизу стоят несколько сотен машин. Хотя нет… присмотрелся – это спортплощадка! Точно, спортивная площадка, она!

Гараж, или точнее «парковка», ничего особенного из себя не представлял. Я десятки, если не сотни раз видел такие парковки под крупными мегамоллами. Только там у площадок не было номеров. Мой номер, вернее номер моей площадки – «52». Так значилось на стене за кормой машины, и вероятно и на полу под машиной – заглядывать я не стал, но могу сказать с полной определенностью – номер должен быть. Потому что такие номера были на свободных от машин местах парковки.

Свободными было около половины мест, и что характерно, сразу бросилось в глаза – ни одной иномарки! Хе хе хе! Мой «кадди» среди волг, жигулей и москвичей смотрелся как «Титаник» среди арктических льдин. Или нет, он же белый – значит как айсберг среди «титаников». Кстати, моя «коляска» мало того, что была уже сюда доставлена, но еще и блестела первозданной чистотой, как в момент ее рождения! И это притом, что на улице мартовская слякоть, и от пролетающих мимо машин понимается облако грязной взвеси! Извечная беда всех наших дорог. Умудрились – вымыли, вытерли, и по-моему даже натерли воском!

А вот в салоне ничего не было. Ни барахла, ни колес. Интересно, куда они все это подевали? Спрашивать не стал – ну зачем сразу же показывать себя… хмм… эдаким стяжателем. Не пропадет барахло, уверен.

– Вот ваша карточка-пропуск, чтобы не было никаких проблем с въездом и выездом – сопровождающий подал мне твердого картона прямоугольник с моей фотографией – Теперь это ваше место. Ключи от гаража у сторожа, ночью ворота запираются, но если вам нужно – он всегда откроет.

Мы пошли на выход, и возле ворот встретили человека лет шесятидесяти, одетого в смесь военной и гражданской одежды.

– Товарищи, вы чего здесь ходите? Я вас не помню! Куда и зачем ходили? Что высматривали?

Сопровождающий шагнул к сторожу-вахтеру (а это явно был именно он), что-то достал из кармана и показал. Сторож едва не вытянулся во фрунт. Потом сопровождающий кивнул мне, и я подошел.

– Михаил Семенович, пожалуйста, покажите товарищу ваш пропуск. Товарищ Васильев, запомните – это товарищ Карпов. Вон стоит его машина, белый «кадиллак». Товарищ Карпов теперь будет здесь ставить свои машины – «кадиллак», или какую другую, если захочет. Передайте, пожалуйста, по смене, чтобы не было никаких непонятностей.

– Все сделаем! Так точно! – тут уже сторож совершенно точно встал по стойке смирно, но при этом не преминул оценивающе окинуть меня цепким, запоминающим взглядом. Как сфотогрофировал. Тоже небось бывший гэбэшник, или вохра.

– Спасибо, товарищ Васильев! – вежливо, с улыбкой кивнул сопровождающий – вы свободны.

И сторож едва не щелкнул каблуками, отправляясь в свою сторожку у входа, к обогревателю и свежим газетам с кружкой чая. Спокойная, размеренная жизнь привратника у сильных мира сего. Слуга власти!

От гаража до центрального входа – недалеко. Жаль, конечно, что нет лифта прямо из гаража в здание высотки, но это было бы совсем уж наглостью! Хе хе…

Высоченные двери… на стенах – барельефы как в дворцах фараонов и в храмах египетских богов. Здесь и живут небожители, только вот маскируются они под простых, незамысловатых граждан, а потому барельефы изображают не фараонов и богов, не Сталина и Берию, и даже не Хрущева с Брежневым, а всего лишь крестьян и рабочих в их повседневных одеждах. Вот только попробуй сюда впереться человек в такой же рабочей одежде – ему быстро расскажут, где он должен находиться и куда ему следует пойти. В эротическое пешее путешествие.

Нет, я не возмущаюсь, не потрясаю ручками в трагедийном негодовании: «Доколе! Как так можно?!». Я просто констатирую факт: «Все животные равны, но некоторые – равнее». Здесь живут те, кто равнее. На мой взгляд, все-таки честнее поступают при капитализме. Капиталисты честно говорят: это не для вас. Это для богатых, успешных, и бедноте здесь не место. У нас же в Союзе лгут. Вот даже то, что барьельефы изображают рабочих и колхозниц, а не тех, кто здесь на самом деле живет – самая настоящая ложь. Лицемерие.

Да, можно сказать и так: у нас каждый может добиться, добьешься ты – и будешь жить в этом домике на пятнадцатом этаже! Но и это будет ложь. Весь фокус в том, что добиться и достичь сейчас можно только тогда, когда ты потомок славного рода, связанного с высшими этого мира. То есть – внук адмирала может стать адмиралом, а вот внук тракториста… это вряд ли. И в этом социалистический строй практически ничем не отличается от капиталистического, хотя нам тут всегда втирали обратное. Да, некогда, когда все начиналось, возвыситься мог каждый – главное чтобы были маузер и кожанка. Но те времена ушли в прошлое. Теперь, чтобы возвыситься, нужные или связи, или такой потрясающий талант, такое трудолюбие и такая удача, что просто талантливый человек имеет на это мало шансов. Очень мало шансов. Хотя они и есть, эти шансы, не буду спорить. Так где их нет? Даже в Африке есть…

– Вы к кому, товарищи?

Это два милиционера, дежурные у выхода. А еще – консьержка, или даже две. Непроходимый барьер! Чужие не войдут! Но пасаран!

Опять процедура показывания «чего-то» – удостоверения КГБ, ясно чего. Потом демонстрация моего паспорта с пропиской. Интересно, что один из милиционеров, рыжий веснушчатый парнишка глянув на мой паспорт, вернее на мое фото нахмурил брови и недоверчиво спросил:

– Карпов Михаил Семенович?! ТОТ САМЫЙ?!

Я не знаю, что он имел в виду под «тот самый», но на всякий случай кивнул головой. Если что – то гэбэшник защитит.

Хе хе… Шучу, конечно. Скорее всего парнишка читал мои книги. А может и видел трансляцию «боксерского» матча. Ничтоже сумняшеся наше телевидение ворует трансляции интересных матчей, ничего не оплачивая злому буржуазному строю. Ибо нехрен!

Это примерно так, как китайцы – разбирают чужую технику на винтики, копируют и выпускают под своим брендом. И пофиг им на весь мир! И засудить целую страну за воровство идей и контента невозможно просто физически. На том и поднялись!

Громадный мраморный холл сияет чистотой. На потолке фреска, подсвеченная то ли лампами, то ли из окошек. На фреске ожидаешь увидеть каких-нибудь ангелочков, играющих на дудочках, или библейский сюжет – уж очень похоже на храм – но нет, там пионер, который держит в руках модель планера. Уж не знаю, почему именно пионер – надо спросить у проектировщиков. Мне в хитросплетениях решений их воспаленных мозгов разобраться практически невозможно.

Лифты, и лестница, ведущая наверх. Тоже мраморная. Вот не отпускает мысль – храм, да и только! Только храм другого, не божественного. Храм… могущества. А кто это могущество дал, бог, или дьявол – этого я сказать не могу. Не знаю.

– Какой этаж?

– Шестой – командует провожающий, и дежурный при лифте нажимает кнопку нужного этажа. Да, да! Дежурный при лифте! Я просто хренею! Господи, да куда я попал?! ТАКОГО расслоения на богатых и бедных нет даже в Стране Золотого Тельца! В Штатах! Там люди частенько стесняются показывать, насколько они

богаты, и ты разговаривая с человеком никогда не сможешь понять – то ли он наемный работник, то ли хозяин крупной корпорции – настолько они по жизни просто и скромно одеваются и себя ведут. А тут… такая вызывающая роскошь, такой откровенный… я даже не знаю, как это назвать… люди, которые кричат о равенстве ВСЕХ, не должны так жить! Или должны убрать подальше свой партийный билет.

Опять же – я не призываю к равенству ВСЕХ. Если ты чего-то добился, почему бы тебе не воспользоваться своими деньгами, своим положением чтобы жить хорошо – богато и сытно. Но врать-то зачем? Лицемерить? То-то в эту самую высотку не пускают никого «лишних». Как там сказано Христом о верблюде и игольном ушке? Только все ровно наоборот. Попробуй, пролезь ты, простой смертный в этот самый «храм».

Квартира 186. Рядом, как я помню, живет Галина Уланова. Всплыло из памяти, просто-таки щелкнуло. Читал я о высотке, читал о ее жителях. После смерти Улановой в ее квартире будет размещен музей Улановой. Кто еще из известных личностей живет рядом – не помню. Особо не интересовался.

Провожатый достает ключи, вставляет ключ в замочную скважину, открывает дверь. Половинку двери. Вторая половина закрыта на защелки. И никаких тебе сложных стальных дверей, никакой брони! Даже смотреть смешно – не дверь, а мечта квартирного вора! Да и любого, у кого есть фомка и желание попасть в чужую квартирку.

И тут же вспоминаю – это же дом на Котельнической! Тут не бывает чужих! Тут два милиционера снизу в холле, плюс два консьержа, плюс дежурные при лифтах! Здесь люди вообще не закрывают двери на ключ! Про Раневскую читал – она никогда не закрывала свою дверь, когда жила в высотке на Котельнической. Приходи, заходи – только стучи ногой! Почему ногой? А руки же заняты! Вы же не с пустыми руками пришли! Прикольная тетка была…

Хмм… почему это «была»? Она и есть! Ей сейчас… 76 лет! Вполне ничего себе возраст. Писатель Юрий Никитин, с которым я общался в 2018 году – ему 79 лет, так он как конь с яйцами! Лезгинку с кинжалом танцует! На велосипеде катается! Штангу поднимает! Как говорится – дай нам бог в его возрасте жить ТАК! Сравнивать конечно сложно, у каждого свой организм и свое здоровье, но все-таки возраст – еще не показатель дряхлости.

Мда… совсем другой мир. Лампочки на этаже никто не выкручивает, и банки с «бычками» на подоконнике не имеется. Куда мы попали?! Хе хе…

Щелкает выключатель, и яркий свет из люстры заливает прихожую. Пахнет чем-то странным… мастикой? Да, так пахнет мастика, которой натирают паркет! Я помню этот запах! В моей… в моей бывшей однушке так пахло после того, как там сделали ремонт и натерли паркет. Но эта однушка, конечно же, ни в какое сравнение не шла с этой квартирой! Четыре комнаты площадью сто метров, плюс кухня, коридоры и ванная комната! Итого 145 метров громадной квартиры! И все ЭТО одному мне?! Неужели и правда меня ТАК ценят?

– Товарищ Карпов! То, что находилось в машине – частично на балконе, частично в комнате. Мы не стали разбирать, сочли это неэтичным. Вы сами решите – что куда поставить. Ключи я оставляю в прихожей, на столике. Телефон подключен, работает, так что можете звонить куда пожелаете.

– И в Нью-Йорк? – не думая, спросил я.

– И в Нью-Йорк – пожал плечами провожатый – Куда хотите, туда и звоните. Набираете ноль-семь, это межгород. Сообщаете место, номер и просите соединить. Вот и все.

– Вот и все… – задумчиво под нос пробормотал я, и опомнившись, протянул руку – Спасибо, товарищ…

– Семенов. Виктор Семенов меня звать – улыбнулся провожатый и пожал мне руку – Теперь я вас оставлю, отдыхайте. Если что-то понадобится – контактный телефон вам сообщили. Если что-то понадобится от вас – вам позвонят или вас найдут. В этом доме есть все, что нужно его жильцам – почта, магазин, кинотеатр, ну и все остальное, что может вам пригодиться. Прачечная, например. Холодильник заполнен продуктами по нашему выбору – мы не знали, что вам понравится, заполнили сами, как придется. Все, что есть в квартире – ваше, Михаил Семенович. Это подарок государства за ваши заслуги. На столе в гостиной – десять тысяч рублей, ведь насколько я знаю – советских денег у вас сейчас нет, а пока получите в сбербанке… деньги вам нужны. Ах да, забыл – сберкнижка на ваше имя и сберкнижка на имя Ольги Львовны тоже там, рядом с деньгами. Повторюсь – что-то понадобится еще, обращайтесь, звоните. Без нужды мы вас беспокоиться не будем – живите, творите. Простите… еще забыл!

Рядом со сберкнижкой – ваш ордер на вселение, на дачу в Переделкино. Вам теперь принадлежит участок земли в пятьдесят соток, с находящимся на нем строением в виде дачи. Дача не новая, там нужен небольшой косметический ремонт, но если захотите – ее вообще можно снести и построить что-то по вашему желанию. Это ваше право. Дача и участок ваши, и вы можете распоряжаться ей так, как захотите – оставить в наследство либо продать. Товарищ Шелепин просил напомнить – государство помнит и награждает тех, кто приносит ему пользу.

И наказывает тех, кто не желает помогать! – закончил мысленно я.

– И я вас покидаю, пожалуйста, отдыхайте! – снова улыбнулся Смирнов, или как его там.

Он кивнул – как поклонился, и гулко, по-военному топая удивительно чистыми, начищенными до блеска ботинками (Март на дворе! Слякоть!), вышел в прихожу. Щелкнула дверь, и мы остались вдвоем с Ольгой.

Она задумчиво раскрыла одну сберкнижку, глянула на фамилию – отложила. Раскрыла другую и тихо охнула:

– Здесь десять тысяч рублей! Вот это да! У меня теперь квартира и десять тысяч на книжке! Офигеть!

– Культурные барышни не говорят ни офигеть, ни охренеть, ни о… в общем – ничего такого не говорят – задумчиво сказал я – Ты еще не проголодалась? Пойдем, посмотрим, что нам в холодильнике наложили? Или наклали? Как лучше звучит?

– Фи! Культурные писатели говорят «наклали» только в одном случае – если рецензенты плохо отозвались о их романе – парировала Ольга, и мы с ней захохотали. Потом она подошла ко мне, обняла, прижалась к груди – Это просто сказка какая-то. Так не бывает!

– Пойдем смотреть, чего нам бог послал – усмехнулся я.

А бог послал нам с Ольгой несколько палок финского сервелата, килограммовую банку черной икры, апельсины, мандарины, виноград, пирожные, и еще много всякой всячины, которую я даже не разглядел. Но первое, что я увидел – бутылку «Советского шампанского», бутылку «Хванчкары» и бутылку «Киндзмараули». Хванчкара в толстой глиняной бутылке, Киндзмараули – в стеклянной.

– Это что за вино? Ты разбираешься в винах? – спросила Ольга, с интересом разглядывая бутылки.

– Это, Оленька, любимые вина Сталина – усмехнулся я, следя за тем, как округлились глаза моей секретарши – И если я хоть что-то понимаю в винах и в наших… хмм… руководителях, это настоящее, не поддельное вино. Ну что, попробуем сталинское винцо? Из глиняной бутылочки? Обмоем новую квартиру?

– Ты хотя бы обойди вначале ее, эту квартиру. Ведь даже не смотрел!

– И правда – пожал я плечами, и недоверчиво помотал головой – И что это со мной? То ли привычка? После моего дома в Монклере, после виллы в Ньюпорт-Бич мне наверное любая квартира покажется обычной.

– Зажрались вы, Михаил Семенович! Ох, и зажрались! Пойдем смотреть!

Четыре комнаты. Огромные! Каждая… не знаю, сколько метров – по двадцать пять, точно! Паркет дубовый! Коридор – огромный! Кухня – метров пятнадцать! Ванная комната – да тут можно гимнастику делать! Кафель импортный! Туалет, слава богу, раздельный с ванной – терпеть не могу, когда совмещенный. Вот так приспичит, а некто с сиськами сидит в ванной, естество свое нежит. И что теперь – делать свои делишки при ней? Неудобно-с! Мы, интеллигентные писатели, ЭТО при дамах не делаем! И на дам – тоже.

– А это что такое? – Ольга указала на толстенную трубу, проходящую в углу кухни и заканчивающуюся «кормушкой» – Неужели это то, что я думаю? Фу! Вот нет роз без шипов, правда? Еще только крыс тут не хватало!

– Тут, Оленька, всех крыс искоренили товарищи в красных околышах. Или синих? Какие у них сейчас околыши, не знаю. Знатные крысоловы! Что настоящих крыс, что крыс-людей ловят на-раз! А если серьезно – можно, конечно, и заварить

дыру, но смысла не вижу. Сделано плотно, видишь – с резиной, чтобы запаха не было. Да и убирают там сразу, это тебе не в пятиэтажке мусоропровод. Это элитный дом! Тут если мусор быстро не убрал – по голове не погладят! Давай-ка, собирай на стол. Пора дегустировать подарок. Кстати, кровать какая шикарная, видела? Дубовая! Износу нет! На ней хоть на лисапеде катайся!

– Видела. Все тебя сразу на кровать тянет, прямо-таки маньяк какой-то! А я вот другое увидела.

– Наше барахло? А чего его видеть? Вон оно, кучей посреди комнаты лежит на подстилке. Или что ты имела в виду?

– А самое главное имела в виду – пишущие машинки. Новенькие, немецкие – две штуки! У тебя в кабинете, что с видом на Кремль. И стол письменный. Так что работать есть чем!

– И диван там кожаный – подхватил я мечтательно – Лягу на диван, и буду диктовать! А ты за столом, да! Как и положено угнетенному рабочему классу!

– Буржуин – задумчиво заметила Ольга, думая о чем-то своем. А потом вдруг цыкнула языком – Ццц… вот думаю – чего не хватает? Хлеба! Хлеба не хватает! Ну как бутерброды делать без хлеба? Миш, сходишь в булочную? А я пока нарежу тут всего, наставлю? Или без хлеба обойдемся? Может – ну его, этот хлеб? Или давай я схожу! Я молодая, а ты старенький, чего тебе песочек растрясать?

– Ах ты ж ехидна злобная притом! Ах ты ж помесь лисицы и свиньи! Да я моложе тебя! И не смотри на мой дряхлый вид! – задохнулся от возмущения я – Щас сдеру с тебя штанишки, и по-стариковски-то, кряхтя и попукивая… как прижму!

– За хлебом! По-стариковски, и попукивая! Батон, если будет – калач, ты же саратовский, любишь калачи? Ну и булок можно… икру на что мазать? Масло есть, кстати. Да! И попить возьми! Газировки какой-нибудь! И еще чего-нибудь такого… не знаю чего. Чтобы потом было мучительно стыдно за съеденное.

Приняв заказ, я накинул куртку и потащился к двери. Вернулся, сунул в карман ключи (их было два, верхний и нижний замок), и уже тогда открыл дверь и вышел на площадку. Выругался, снова вернулся, взял из пачки, которую уже

переложил в сервант, пятьсот рублей, сунул в бумажник. Подумал, и вынул из карманов все, что у меня были, доллары. На кой черт они мне тут? Пусть полежат в серванте, когда-нибудь может и пригодятся.

Уже выходя из квартиры заглянул в зеркало и показал своему отражению язык. Подумал, и еще раз показал. Возвращаться – плохая примета, но если показать своему отражению в зеркале язык, то плохая примета испугается и убежит. Вроде так. Я так-то не верю в приметы, но… народная примета гласит, что если… то тебя или плетнем придавит, или корова обосрет. Зачем кликать на себя эти ужасы?

Вот теперь можно идти. Дверь запер на ключ – пусть там всякие артисты и артистки не запирают дверей, а я, старый параноик – все равно буду запирать. Все-таки мне почему-то кажется, что параноики живут дольше нормальных людей.

Можно бы конечно и замки сменить… ну так, на всякий случай. Ключи-то были у Конторы в руках, небось комплектик-то и притарили. Но я ведь умный параноик и понимаю, что если государство захочет проникнуть в мою квартиру – войдет, и ни на секунду не задержится. Фигли им эта дверь? Вскроют с любыми замками! Так зачем тогда создавать себе лишние неприятности?

Уже когда нажимал кнопку лифта, вдруг задумался: а кто раньше жил в этой… моей квартире? Куда делся человек? Такие квартиры долго не пустуют. Или пустуют? Обстановка здесь новая, как будто вчера обставили. Может только вчера и обставили? Когда мы на конспиративной квартире в Штатах парились? А что, вполне вероятно. Эти парни, ЭТА Контора умеет работать. Только дай приказ – выроют все из-под земли! Вот когда верится в то, что описано в «Противостоянии» Юлиана Семенова, когда гэбэшники только по узлу, завязанному на мешке с трупом сумели вычислить и найти предателя, диверсанта, обучавшегося в немецкой разведшколе. Интересно было смотреть за перипетиями розыска. И самое главное – верилось в то, что такое может быть. Это не мерзкие тупые «ментовские» сериалы двухтысячных, когда хочется при виде того, что творится на экране шваркнуть в него двадцатикилограммовой гантелей!

Я не могу без ругани смотреть большинство из этих сериалов, потому что знаю ментовскую жизнь не понаслышке. Когда сержант на КП ГАИ к своему напарнику-лейтенанту обращается «Товарищ лейтенант!», да еще и приложив

руку к фуражке, стоя по стойке смирно – мне хочется ударить сценариста по яйцам. Придурок, ну ты хотя бы одного, единственного мента взял себе в консультанты! Ты бы хоть спросил – как ведут себя в жизни менты, как они общаются, где едят и где пьют! О чем они разговаривают!

Помню, каким неплохим был сериал «Улицы разбитых фонарей», когда сценаристом, а потом консультантом первых сезонов был сам Кивинов. И во что выродился этот сериал, в какую мерзость, жвачку превратился! И апофеозом мерзости было участие в сериале Леры Кудрявцевой, втиснутой в него только ради того, чтобы она там БЫЛА. Я плевался в экран, когда увидел, как опера ходят в кафе, где владелицей героиня Леры, и консультируются с Лерой – как имя вести расследование! Как искать преступников! И это не шутка! Этот маразм на самом деле был! Вернее – будет. В двухтысячных. Когда степень идиотичности фильмов превысит все разумные пределы.

Надо отдать должное нынешнему времени: хотя нынешние ментовские сериалы и фильмы («Следствие ведут знатоки») тоже оставляют желать лучшего, но все-таки у них настоящие консультанты и диких ляпов они не допускают.

Но это так, наболевшее… Пока лифт поднимался ко мне на этаж – проскочило в голове.

Лифт приехал с дежурным, немолодым дядечкой явно военно-пенсионной выправки (да тут все похоже с Конторы!), он со мной поздоровался, осведомился, на какой этаж мне ехать, и мы понеслись вниз. Пока ехали, я спросил у него, как найти магазин, или булочную, он мне в трех словах все объяснил, так что минут через десять я уже стоял у прилавка и ждал, когда румяная полная продавщица обслужит какую-то бабульку впереди меня. Уже когда бабулька отходила от прилавка, положив батон в обычную женскую сумочку, висящую на сгибе локтя, я внезапно ее узнал, и сам не понимаю как, видимо от неожиданности, у меня вырвалось:

– Здравствуйте, Фаина Георгиевна!

Раневская посмотрела на меня, похлопала ресницами, чем очень напомнила эдакого здоровенного филина, и своим неподражаемым голосом, от которого мороз шел по коже, сказала:

– Здравствуйте, молодой человек! Я что-то не припомню вас! Лицо знакомое, где-то я вас видела, но где именно – никак не могу вспомнить!

– Только не говорите, что видели меня на банке свиной тушенки! – грустным голосом сказал я, и Раневская вдруг радостно хохотнула:

– Молодец! Хорошо сказал! Надо запомнить! И все-таки, где же я вас видела?!

– Я сегодня вселился в квартиру сто восемьдесят шесть – пояснил я, будто это все объясняло.

– Ах вот как! Это не вы сегодня шли в вестибюле с такой красивой брюнеткой, у которой прическа каре? И с вами еще был мужчина, физиономия которого просит кирпича? Типичный гэбэшник!

– Эээээ… ну… да! – слегка смутился я – А с чего вы решили, что он гэбэшник?

– Да я их нутром чую – усмехнулась Раневская, оглянулась на прислушивающуюся к разговору продавщицу (народу в булочной практически не было) – Вот одна из них! Милочка, когда будете освещать наш разговор, напишите, что насчет «морда просит кирпича» я сказала любя, и не преследовала целью догнать уважаемого товарища и стукнуть его кирпичом!

Продавщица отшатнулась, будто и ей собираются засветить кирпичом, а Раневская довольно ухмыльнулась – Видал?! Все здесь освещают! Стучат, мать их…

– Может не все? – посмел усомниться я.

– Все, все! Вы жизни не знаете, молодой человек! – убедительно кивнула Раневская – Стучат, суки!

– А я? Может я тоже стучу? – дернул меня бес спросить.

– Ты-то? – снова сбилась на «ты» Раневская – Нет, ты не стучишь. Я стукачей чую! Кстати, а как ты оказался в сто восемьдесят шестой? Она уж почитай лет десять пустой стоит. Галенька говорила, в эту квартиру на днях таскали всякое

барахло! Ага… значит это для тебя таскали? Ну-ка, и чей же ты сынок? Уж не Шелепинский ли отпрыск?

– Кхмм… – я даже подавился, закашлялся, и не выдержал, хохотнул – Ха ха ха… ох, простите, Фаина Георгиевна. Нет, точно не Шелепинский. И ничей. Нет – чей-то, но никаких чиновников в родне у меня нет. Вообще.

– Тогда за что тебе такая квартирка? Ну-ка, ну-ка… дай я подумаю… опа! Есть! Есть еще у меня мозги! Ну-ка, оцени полет мысли! Ты Карпов! Точно? Карпов! Как я тебя вычислила? Ну не молодец ли я?!

– Милиционеры сказали, да? – улыбнулся я, увидев как досадливо поджала губы Раневская – Консьержки ведь все знают, и милиционеры. Надо просто спросить, и вам, такой известной, такой любимой актрисе все расскажут. Так ведь?

– Вот зачем бабушку расстроил? – ухмыльнулась Раневская – Нет бы сказать: Ах, Фаина Георгиевна! И как это вы догадались?! Вы такая мудрая! Я бы ни в жисть не догадался! А ты меня просто – хлоп! И сбил влет! Вот не умеете вы потрафить старичкам, молодежь! Я слышала, ты интересный человек, товарищ Карпов. Было бы интересно с тобой поговорить. Ты как-нибудь приходи к мне, пообщаемся. И красотку свою можешь с собой пригласить. Только стучите ногой!

– Потому что руки заняты? – ухмыльнулся я – Ясное дело, какой дурак к вам пойдет с пустыми руками!

– Хех! Молодец! – Раневская хлопнула меня по плечу – ты мне нравишься! Приходи!

– А можно я вас приглашу? – набрался наглости я – У нас сегодня новоселье, мы с Олей хотим отметить. Ничего особенного, но вино есть, шампанское есть, икра черная, икра красная, сервелат и все такое. Посидим, выпьем, пообщаемся. Можно и соседку нашу позвать, Галину Сергеевну! Если она захочет, конечно. Я был бы счастлив посидеть за одним столом с такими великими женщинами! Мне как-то неудобно Галину Сергеевну приглашать, совсем чужой человек я ей, а с вами уже познакомился! Придете?

– Хмм… – Раневская посмотрела мне в глаза, задумалась, потом вдруг улыбнулась – А почему нет? Через часок нормально будет? Пока я дошлепаю до

дома, пока переоденусь. Ну не идти же в гости в домашнем халате и тапочках!

– Замечательно! – облегченно вздохнул я – Это просто замечательно! Вы не пожалеете!

– Надеюсь – усмехнулась Раневская, и уже отходя от меня, обернулась и снова посмотрела мне в лицо – Я почему-то вам верю. Вы хороший человек, я знаю. И кстати – борода вам к лицу!

– Клянусь, не буду сбривать! Только ради вас! – я сделал жест, будто отдаю честь, но почему-то автоматически сделал это так, как делают американцы – двумя пальцами, от лба, и у Раневской снова удивленно вскинулись брови. Умная бабка! Насквозь видит!

Купить у сердитой продавщицы пару батонов, калач и несколько булок было делом пяти пары минут. Только вот я забыл, что в этом времени в булочной ни черта нет никаких полиэтиленовых пакетов! И как нести хлеб? Все в булочную здесь ходят со своими сумками!

– Вы что, не знали, куда идете? – попеняла мне продавщица – Надо было со своей авоськой приходить! Придется в охапку взять, так и нести! Или купите сетку – вон, у нас в отделе вспомогательных хозтоваров сетки есть!

– Давайте сетку! – облегченно вздохнул я, и через минуту мои покупки уже перекочевали в точно такую же сетку, в какой герой Юрия Никулина в «Бриллиантовой руке» пытался нести пистолет, который за каким-то чертом ему дал курирующий тему милиционер. «На всякий случай! Холостые!».

Когда я вошел в холл центрального корпуса, Раневской уже не было, видимо поднялась наверх. Впрочем, и немудрено – я еще зашел в магазин рядом с булочной, посмотрел, что там продают. Ничего особенного не нашел, а сосиски-колбасы покупать не стал (газировки купил и сока вишневого банку), у нас в холодильнике ими все забито. Кстати, большой холодильник, двухкамерный, вроде как финский «Розенлев». Дорогая машинка! Помню, читал про советское время – такой холодильник стоит семьсот рублей! В два раза дороже советского. Да еще и не достанешь, только спецраспределитель!

Тот же самый дядечка отвез меня на шестой этаж, и вот я уже открываю дверь в квартиру своими ключами. Закрывать на ключ не стал – придут люди, все равно ведь открою.

– Оля! У нас сейчас будут гости!

– Кто? – Ольга насторожилась и нахмурилась – Только не говори, что это…

– Нет, нет, не из органов. Это Фаина Раневская и Галина Уланова!

– Кто-о?! – Ольга даже охнула – да ты что?! Не может быть?! Где ты их взял?! Ой, а я два прибора поставила! И бокалов два! Ай-яй… сейчас, сейчас…

Ольга побежала за посудой, а я пошел в кухню, ухмыляясь и недоверчиво мотая головой – неужели придут?! Господи, никогда бы не поверил, что когда-то буду принимать у себя в гостях саму Раневскую! Ту самую Раневскую, изречениями которой заполнен весь интернет! А еще – Уланову! Не человека, а монумент! Настоящий монумент!

Нет, скорее всего, они не придут. Кто я такой, чтобы они ко мне приходили? Подозрительный бородач, который… который… тьфу, черт подери! В общем – я нет никто, а они – наше фсе! И никак иначе! Нафига я им сдался?!

Но они пришли.

Звонок в дверь – совершенно неожиданно, хоть я его и ждал. Почему-то мелодия звонка звучала, как птичья трель – странновато, но… вполне терпимо. Ольга вздрогнула после этого свиристения, а я поймал ее руку и ощутимо сжал, но стараясь не причинить боли (могу ведь и раздавить, запросто):

– Ну чего ты дергаешься? С президентом США обедала, и ничего! А тут вдруг напугалась!

– Так то президент! А то Раневская с Улановой! – слабо улыбнулась Ольга.

Я пошел к двери, и осторожно ее толкнул. На пороге стояла Раневская, одетая в старомодное, дорогое платье. Наверное, надела самое лучшее. За ней

небольшая, стройная, стильно и хорошо одетая женщина с приятным, открытым лицом человека, который ничего не боится и никого не ненавидит. Эдакий дзен-человек, принимающий мир таким, каков он есть.

А вот за женщинами стоял мужчина, которого я узнал не сразу. Лицо знакомое, и даже очень знакомое, но банк информации в моем мозгу не спешил раскрываться. И только секунды через две, когда я уже уцепился за руку Раневской, до меня дошло: «Богословский! Это Никита Богословский!»

– Здравствуйте еще раз, Фаина Георгиевна! – я приложил ее руку к своим губам – Я так рад принимать вас у себя! Я так боялся, что вы не придете!

– Видала, Галочка? – довольно ухмыльнулась Раневская – Хороший мальчик! Знает, как уважить великих! Миша, это Галя Уланова! Балерина!

– Фаина Георгиевна! – укоризненно покачал я головой и осторожно взял протянутую мне руку Улановой – Да как я могу не узнать… ее! Великую! И единственную! Галина Сергеевна, я счастлив вас принимать у себя! Спасибо, что пришли!

– Я тоже рада, Миша – мило улыбнулась Уланова, когда я оторвался от ее руки – Я слышала о вас, и мне было бы интересно с вами пообщаться! Спасибо, что пригласили.

– А это, Мишенька… – Раневская сделала жест в сторону мужчины, но тот ее перебил и довольно мне подмигнул:

– Старушка, дай я сам представлюсь! (Раневская фыркнула, и укоризненно помотала головой на «старушку») Никита!

– Богословский – я с удовольствием пожал руку композитору, и чуть-чуть не рассчитал от полноты чувств. Богословский сморщился, ойкнул, и я тут же начал извиняться:

– Простите! Это я от неожиданности! Великий композитор, интересный человек – и ко мне? Да сегодня у меня просто пир!

– Пир духа! – тут отреагировала Раневская, и хохотнула – Никита сам напросился, Миша! Поймал меня по дороге и криками, угрозами заставил признаться, куда я иду! Говорит – хочу поглядеть на этого монстра, про которого читал в газете!

– Ну все сдала, старая! – печально протянул Богословский, будто не замечая фырчания Раневской – Ладно, я тебе отомщу!

– Пойдемте, пойдемте в комнату, пожалуйста! – заторопился я, чуя, что знакомство слишком уже затянулось.

– Только мы с пустыми руками, Мишенька! – Раневская развела руками – Положено на новоселье что-нибудь приносить, а мы вот как придурки какие-то – без ничего!

– Ой, ну что вы говорите? – досадливо отмахнулся я – Лучший подарок – это вы у меня в гостях! Будет что вспомнить! Вот как-нибудь окажусь в компании, и чтобы произвести впечатление на людей, так и скажу: как-то раз это сидели мы за столом с Раневской, Улановой и Богословским, а я и говорю… Все так и попа?дают!

– Наш человек – ухмыльнулся Богословский – Я думаю, Миша, мы с вами подружимся.

– Очень на это надеюсь, Никита Владимирович! – ответил я, и снова пригласил – Пойдемте, пойдемте!

– Миша, зовите меня просто Никита, ладно? – попросил Богословский, устремляясь за мной следом, но пропуская вперед женщин – А то я чувствую себя древним мамонтом!

– А кто ты есть? – тут же парировала Раневская – Мамонт и есть! Все прикидываешься юнцом! Рубашку вон какую надел – всю в цветах! Как кубинский танцор! Перед дамами выпендриться решил?

– Почему бы и нет? Я молод душой, Фаина Георгиевна! Я еще юноша… ох! Вот это красотка!

Богословский замер на пороге комнаты, увидев Ольгу. Та выглядела и правда шикарно – она умудрилась переодеться, и теперь в своей белой блузке, черных чулках, юбке в обтяжку и на высоких каблуках смотрелась просто потрясающе. Но вот к чему она нацепила драгоценности, которые я ей подарил? Чтобы защититься от авторитета двух великих дам? Мол, и мы не лыком шиты? Я даже немного подосадовал. Но глянул на Уланову, и понял – все в порядке. Та тоже надела драгоценности – кольца на пальцы, золотой медальон с камнями на шею, на руках золотые браслеты и золотые же часики – вроде и скромные, но с бриллиантами. Светская дама, чего уж там!

– Разрешите вам представить! – сказал я, глядя на разрумянившуюся Ольгу – Это мой секретарь, переводчица, машинистка, и… просто подруга – Ольга. Ольга Фишман. Оля, Это…

– Спасибо, Михаил Семенович, я знаю, кто эти великие женщины! – улыбнулась Ольга – Фаина Георгиевна, Галина Сергеевна! Я счастлива вас видеть! Мечтала о личном знакомстве с вами! Никита Владимирович, какой вы молодец, что пришли! Великий композитор! Я обожаю ваши песни!

– Хорошая девочка – констатировала Раневская, которая, как я знал, очень любила, когда ее узнавали на улице. А еще больше любила, когда ее хвалили. Ну что сказать… пусть себе радуется! Она заслужила!

– Красотка! – довольно констатировал Богословский, окидывая Ольгу опытным взглядом – Если бы я был помоложе, и не боялся вашего злобного и сильного мужчины… ооо… точно бы увел вас от него!

– Да куда тебе – фыркнула Раневская – Тоже мне… ходок! Только и можешь, что пакости друзьям подстраивать!

– Присаживайтесь, пожалуйста! А я сейчас еще один прибор принесу! Как замечательно, что вы пришли!

Гости расселись, и Ольга убежала за тарелками. А я взял бутылку шампанского и стал аккуратно освобождать горлышко от предохранительной сетки, она же – «мюзле». Хлоп! Пробка покинула бутылку, и над горлышком заклубился белый парок

– Видали, как ловко? – кивнула на меня головой Раневская – Умеет! Я думала, сейчас обольет нас всех шампанским! Разливай, Миша! Кстати, ничего, что я тебе тыкаю и так, по-простому?

Ага… вопрос с подвохом! Вишь, как хитро поглядывает! Проверка на проверке! Мол, тот ли он, кем кажется? Может, гонору полны штаны?!

– Да ну что вы, Фаина Георгиевна! Конечно! И всех остальных прошу называть меня только по имени! И можно на ты! А я уж вас уважительно, по имени отчеству, ладно? Кроме вас, Никита, вы же просили.

– Да! Тогда уж давай и мы с тобой на ты, ладно? Я хотя и великий композитор, спору нет! Величайший! Но прост в обращении, как пастушья свирель! Кстати, Миша, ты играешь на музыкальных ирструментах? На пианино?

Я оглянулся на пианино красного дерева, стоявшее возле окна, и с сожалением помотал головой:

– Увы… не играю! А это пианино досталось нам случайно… в общем – было здесь, когда мы сюда заехали.

– Да? – слегка удивился Богословский, и снова посмотрел на пианино – Хороший инструмент. Жаль, что не умеешь.

– Да я бы может и поучился играть, но все времени не было – усмехнулся я – А если бы стал учиться, то скорее всего на гитаре. Пианино с собой таскать как-то не очень удобно, а вот гитару… повесил за спину, и побежал. Опять же – парней с гитарой все девушки любят!

– Ха ха ха… – Богословский расхохотался – Заверяю тебя, парней с пианино девушки тоже любят! Правильно, Галина Сергеевна?

– Девушки любят умных, красивых, интересных…

– И богатых! – закончил за балерину Богословский – Кому нужен умный и красивый, если он нищий?!

– Ну, кому-нибудь, да нужен – улыбнулась Уланова – Никита, ты слишком много значения придаешь деньгам в отношениях между мужчиной и женщиной. Не все упирается в деньги!

– Не все, но упирается! – усмехнулся композитор – Красивые женщины у богатых мужчин! Вот вы, Оленька, положили бы глаз на вашего… хмм… шефа, если бы он был нищим комбайнером?

– Фи, Никита! Какой моветон! – скривилась Раневская – Извини, но ты сейчас просто пернул изо рта! Оленька, не слушайте его! Херню городит, старый дурак!

– Не такой уж и старый, и не такой уж дурак! И Оленька не дура, она прекрасно понимает, о чем я говорю! – парировал Богословский, пока Ольга ставила перед ним тарелку – Скажите, Оля, вы бы стали иметь дело с нищим работягой, а не с всемирно известным писателем и спортсменом?

Ольга села на свое место, задумалась:

– Я не могу сказать. Когда мы познакомились с Михаилом Семеновичем, он уже был всемирно известным писателем. А что касается денег… я ему и тогда сказала, и сейчас скажу – я бы работала на него и бесплатно.

– Оля незаменимый для меня человек – улыбнулся я, разливая шампанское по бокалам – Она печатает быстрее, чем я говорю. Это феномен! Притом печает без ошибок – абсолютно. А еще знает несколько языков. Потому у меня и получается писать книги так быстро. Ну, давайте выпьем за наше знакомство?

– Нет! За хозяев квартиры! Чтобы жилось им в ней хорошо! – провозгласила Раневская, и мы сдвинули бокалы. Я отпил ледяной газированной жидкости, и подумал про себя, что или я ничего не понимаю в винах, или «Советское шампанское» ничуть не хуже «Вдовы Клико».

– Кстати – спохватился я – а может кто-нибудь хочет покрепче? У меня виски есть! Блек лейбл, ред лейбл! Попробуете?

– Давай свой американский самогон! – улыбнулся Богословский – Будем пробовать!

Ольга сбегала за бокалами для виски, принесла и льда (он был наморожен в специальных ванночках с гнездами, все предусмотрела «кровавая гэбня»!). Я открыл бутылку с черной этикеткой, разлил, и все гости с интересом принюхались к содержимому своих бокалов.

– Да нет, никаким самогоном не пахнет! – заключила Раневская – Придумываешь ты все, Никита! Болтун!

– Это настоящий виски? Оттуда? Или из «Березки», сделан в Болгарии в сарае возле моря? – Богословский посмотрел бокал на свет, а я поспешил его заверить:

– Самый что ни на есть настоящий. Джон Уокер! Куплен в Вашингтоне несколько дней назад. Вот, Оля и покупала – перевел я стрелки на девушку.

– Ладно, будем пробовать! А лед класть не будем! Ибо не по-русски! – Богословский встал, и провозгласил тост:

– Вот теперь за нас, за великих! Ну и за хозяев квартиры тоже! Хе хе…

Мы стукнулись бокалами, я немного отпил. Уланова пила совсем немного, Богословский сразу хлобыстнул до дна, Раневская тоже допила до дна, и взяв с тарелки бутерброд с черной икрой, откусила кусок. Прожевала, выдохнула:

– А хорошо пошло! Пусть это и непатриотично, но лучше нашей водки! А ты, Миша, чего не пьешь? И Оля?

– Да мы почти не пьем. Фаина Георгиевна – усмехнулся я, и снова разлил виски. Глянул на Уланову, спросил – А может вам еще шампанского, Галина Сергеевна? Как вы смотрите на шампанское?

– Немного. Спасибо, Миша – Уланова взяла себе веточку винограда и стала ее тихонько ощипывать. К сервелату и бутербродам с икрой даже не притронулась. Заметила мой взгляд, улыбнулась:

– Привычка, Миша! Я вечером практически не ем. Только фрукты. Да и днем… бульончик, супчик, и снова фрукты. Много лет в балете, желудок делается как у котенка. Миша, можно вас спросить…

– Как ты влез в эту квартиру! – громогласно закончил Богословский, и замахал руками, будто отгоняя мух – А чего, чего так на меня таращитесь! Вы бы сейчас ходили вокруг да около, а впрямую бы и не спросили! Всех в этом доме ужасно занимает, с какой стати этакому молодому человеку дали такую квартиру! Народ голову сломал, думавши!

Уланова укоризненно помотала головой, но взгляд ее был насмешливым и острым. На самом деле Богословский и правда озвучил то, о чем стеснялись спросить интеллигентные женщины. Как говорится, самый близкий путь к сердцу – через быстрый кинжальный укол. Путь к истине – тоже примерно таков.

И тут вмешалась Ольга:

– Это награда Михаилу Семеновичу от правительства СССР за его заслуги в деле укрепления дружбы между народами, и еще за другие заслуги. И еще ему вручили орден Ленина и звезду Героя!

– Да ладно?! Ты Герой Советского Союза?! Не Герой Труда, а Герой Союза?! – брови Богословского поползли вверх – Тогда ты шпион! Точно – шпион! Расскажешь нам, как работал во вражеской стране?

– Кхмм… – я аж поперхнулся, и укоризненно посмотрел на Ольгу. Та смутилась, и это не укрылось от Раневской и Улановой. Дамы многозначительно переглянулись и улыбнулись.

– Да не шпион я никакой! И вообще – шпион, это тут, у нас. Они крадутся во тьме, делают пакости – например, писают в лифтах. Строят козни советским гражданам. Вот это шпионы. А разведчики – это героические ребята, которые похищают секреты у толстых буржуев, чтобы передать их доблестным работникам органов. А я ничего не похищал. Я просто жил и работал в Штатах. Ну, как-то вот так.

– Ага… и за то, что ты жил в Штатах, тебе дали высший орден страны и звание героя! – саркастически хекнул Богословский – Вот заливает! Ладно, ладно – нельзя говорить, значит, нельзя! А то еще за границу больше не выпустят, если ты мне тут расскажешь.

– Миша, а что за история с президентом? – вдруг тихо спросила Уланова – Я читала в газете, что вы встречались с Никсоном, а после того сразу исчезли. И вроде как американцы считают, будто вы причастны к покушению на их президента. Это правда?

– То, что причастен, или то, что встречался? – сразу посерьезнел я, и Богословский радостно потер руки:

– Попался! Он пытался убить вражеского президента! Вот он, простой советский разведчик! Наш герой! Так чего не добил? Промазал, что ли?

– Миша… Михаил Семенович никакого покушения не делал! – запальчиво возмутилась Ольга – А Никсон очень приятный дядечка! Очень обходительный, культурный! Только ест странно – он все кетчупом поливает. Даже творог! Представляете? Сладкий творог с острым кетчупом!

– Забавно! – негромко пробормотала Уланова – Творог с томатным соусом? Надо как-нибудь попробовать. А то мне творог за мою жизнь так уже надоел!

Женщины рассмеялись и снова переглянулись. Они прекрасно понимали друг друга без слов.

– Оля права… никого я не собирался убивать… никакого президента – вздохнул я – И Никсона мне искренне жаль. Не скажу, чтобы мы с ним так уж подружились – он президент страны, которая считается потенциальным противником моей страны. Тем более что я всего лишь писатель, русский… советский писатель, а он – Президент США! Чувствуете разницу? Ну и вот… Но у нас сложились хорошие отношения. Он хотел вскорости приехать в страну, но после смерти Брежнева отложил поездку. А я посоветовал ему не откладывать. Ехать надо, и разговаривать с нашим руководством. И вот те, кому не понравилось, что их президент решил говорить с товарищем Шелепиным – попытались устроить переворот. И приплели меня – чтобы как следует замазать нашу страну. Мол, я причастен к этому покушению! Это советы все устроили! И мне пришлось бежать. Нас с Ольгой пытались убить, мы отбились и… теперь сидим здесь. Простите, подробностей нашего бегства я вам рассказать не могу. Это уже государственная тайна. А что еще касается покушения и нашей встречи с Никсоном… я думаю, скоро будет пресс-конференция, на которой я открыто расскажу всему миру, что творят в США так называемы «демократы». Никсон, вы

наверное знаете – он республиканец. Так вот демократы, его противники, как у нас их называют – «ястребы». Это те, кто хочет войны, кто развязывает войны. В демократах – оружейные дельцы, именно в их интересах развязываются все войны. Оружие надо делать! И сбывать его тоже нужно! А куда? Если нет войны? Вот и разжигают, мерзавцы.

– Знаешь, а сразу видно, что ты давно не был на родине – усмехнулась Раневская.

– Откуда видно? – слегка удивился я.

– Ты, к примеру, отдаешь честь не так, как наши – усмехнулась она – Да, да, я заметила. На американский манер! Потом – ты все время сбиваешься русский-советский. Советские люди никогда бы не сказали «русский». Они бы сказали – советский. А еще – часы у тебя на руке. Что за часы? Импортные?

– Швейцарские… «Ролекс» – пожал я плечами – У меня и советские есть. Даже двое. Но эти противоударные, водонепроницаемые, да и ходят очень точно.

– И стоят дороже, чем машина! – подхватил улыбающийся композитор – Точно ведь?

– Ну… смотря какая машина – снова пожал плечами я – Честно говоря, не задумывался. Мне нужны были хорошие часы, захотелось – вот я их и купил. А сколько стоят – не помню. Тысяч восемь. Или десять.

– Ух ты! Восемь тысяч рублей?! – восхитилась Раневская.

– Долларов, моя дорогая, долларов! То есть – умножай на пять! – хохотнул Богословский – А изумрудное ожерелье на прекрасной шейке его подруги стоит еще раза в три дороже! И колечко с бриллиантом! И браслетик! Мы имеем дело с миллионером, девочки! Я же говорю – интересная личность, этот наш Миша! Сознавайся, Миша, ты миллионер?

– Я миллионер – усмехнулся я – Но только теперь не знаю, миллионер ли. Смогу ли добраться до моих буржуйских капиталов? Неизвестно.

– И сколько ты стоишь? Как говорят буржуины! – не отставал Богословский, наслаждающийся ситуацией. Ему явно было «по-кайфу» вгонять в краску воспитанных дам, которые притащили его в гости. И меня тоже – «миллионера-героя». Только меня трудно так просто загнать в угол! Я склизкий, как угорь!

– Примерно четверть миллиарда долларов – безмятежно пояснил я, глядя в глаза Богословскому.

– Сколько?! – ахнул тот – Да ты заливаешь!

– Может, и побольше – пожал я плечами – Точно не знаю. У меня наемный бухгалтер занимается моими доходами и моими налогами. Только за бой с Мохаммедом Али я получил сорок миллионов. А еще доходы за трансляцию. Кроме того – я делал ставку у букмекеров – на себя самого. И выиграл. Часть контор расплатились, часть зажали деньги под благовидными и неблаговидными предлогами. Я нанял юридическую контору, и теперь они воюют с негодяями. Кроме того, я один из учредителей продюсерского центра «Страус и Карпофф», который сейчас занимается съемками нового шоу. Это шоу выйдет на Эн-Би-Си, и уверен, будет иметь успех. Кроме того, я креативный директор компании «Уолт Дисней», где сейчас по моей книге снимается многосерийный фильм. И мне принадлежат сто миллионов акций этой компании, довольно-таки крупный кусок. А как директор, я получаю миллионн долларов в месяц, плюс премии за выгодные сделки, совершенные по моему проекту. Например, сейчас «Уолт Дисней Компани» ведет переговоры о приобретении одной выгодной компании, которая озолотит Диснея. У меня двухэтажный дом в городе Монклер, штат Нью-Джерси, и вилла у океана в городе Ньюпорт-Бич, это недалеко от Лос-Анджелеса. Ну вот как-то так!

– Ну, Миша… – Богословский даже не сразу нашел слова – Ну ты, Миша, даешь! Вот это сила!

– Ах да, забыл… я же еще пишу книжки! – рассмеялся я – И забыл – снимается еще один фильм по моей серии романов. Многосерийный фильм «Нед». Вот теперь точно все. Я ответил на твой вопрос, Никита?

– Еще как ответил! – Богословский уже не улыбался – Даже не ожидал. Мультимиллионер! У нас! А я-то думаю, и за что этому молодому человеку такое богатство?! Квартиру такую! Да она для тебя – как конура! В сравнении с тем,

что у тебя есть!

– Не совсем так. Я очень ценю тот факт, что государство оценило мои заслуги, что меня наградили. И эта квартира великолепна. И кстати – это я там мультимиллионер, а тут… тут у меня только то, что дало мне государство, и то, что у меня на сберкнижке. Заработанные мной деньги. И кстати сказать – я все это заработал сам. Своей головой, своим трудом. И спасибо государству, что дало мне это заработать. Если бы мне не позволили издаться… не знаю, что бы тогда со мной было.

– Я читала вашу историю – вдруг вмешалась Уланова, которой разговоры про деньги явно прискучили – Вы ведь тот человек, что потерял память, так? И сколько вам сейчас лет?

– Пятьдесят два – усмехнулся я – да, я старше, чем выгляжу.

– О господи! Чудо-то какое! – ахнула Раневская – А я и не знала! Галочка, ты почему мне не рассказала?!

– А еще, я читала в газетах фельетон о том, что вы, якобы умеете предсказывать будущее. Мол, русский писатель дурит головы своим читателям, рассказывая о том, что умеет предсказывать будущее! В зарубежных газетах, само собой.

– Скажите, а что писали обо мне в наших газетах? – вдруг заинтересовался я. Мне пришло в голову, что я и в самом деле не знаю – что именно писали обо мне в газетах. Ругали? Хвалили? Ни разу даже и в голову не пришло узнать – что на самом деле обо мне писали.

– В наших? – Уланова задумалась – Помню прочитала, что писатель Карпов живет в США, и я удивилась – как это вам позволили, и не отняли гражданство. Еще прочитала, что вы победили Мохаммеда Али. Удивилась – как это так? Боксер – и вдруг писатель?! Спросила знакомых – мне рассказали, что вы загадочная личность, и что ходят слухи – вы умеете предсказывать будущее. А потом и сама прочитала, по-моему в английской газете, когда была на гастролях. Ну вот, почти и все.

– И ты мне не рассказала! – укоризненно помотала головой Раневская – Я со скуки сдыхаю, мне только и развлечения, что Богословского обматерить, а ты

мне такую новость не рассказываешь! Галочка, Галочка…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/evgeniy-schepetnov/1972-vozvraschenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити